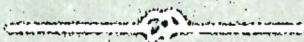

БУЛЕТИНУЛ
АКАДЕМИЕЙ ДЕ ШТИИНЦЕ
А РСС МОЛДОВЕНЕШТЬ

ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

адм.

БУЛЕТИНУЛ
АКАДЕМИЕЙ ДЕ ШТИИНЦЕ
А РСС МОЛДОВЕНЕШТЬ

ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

№ 12

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАРТИЯ МОЛДОВЕНЯСКЭ»
КИШИНЕВ, 1965

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академики АН МССР Я. С. Гросул (главный редактор) и Н. К. Вартичан (зам. главного редактора), член-корреспондент АН МССР Е. М. Руссев, доктор исторических наук Н. А. Мохов, кандидаты исторических наук А. С. Есауленко и С. Э. Левит, кандидат философских наук А. И. Бабий, А. М. Лазарев.

А. И. БАБИЙ

ВО ЧТО ОБОШЛАСЬ МОЛДАВСКОМУ НАРОДУ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

В настоящее время все меньше и меньше людей придерживается религиозных взглядов на мир.

Стремясь во что бы то ни стало удержать верующих под своим влиянием, церковники пытаются приспособить религиозную идеологию к новым, изменившимся условиям.

Такие попытки предпринимают и защитники православной веры в Молдавии. По их мнению, сосуществование религиозной и коммунистической идеологий не только возможно, но и необходимо. Аргументируя этот тезис, они утверждают, что православная церковь всегда была путеводной звездой молдавского народа, давая ему с избытком ту «духовную пищу», которая способствовала его нравственному и культурному прогрессу.

Но эти аргументы не соответствуют фактам, они весьма далеки от истины. Вопреки утверждениям защитников православной церкви, она, как будет показано ниже, была серьезным тормозом на пути экономического, культурного и нравственного прогресса молдавского народа. Что касается так называемой духовной пищи, то ее действительно давали обездоленным и угнетенным массам щедрой рукой. Но за эту «пищу» трудящиеся расплачивались тяжким трудом и материальными лишениями.

Чтобы убедиться в этом, достаточно привести несколько характерных примеров. Начиная с XV в., когда в Молдавии появились первые каменные церкви, строительство, ремонт и восстановление «храмов божиих» поглотили громадное количество общественного труда. Многие господа как бы соревновались между собой в этом деле. Стефану III, например, приписывают строительство сорока четырех церквей и монастырей. Широкою ктиторскую деятельность этого господара продолжили его приемники: Петр Рареш, Александр Лэпушняну и многие другие.

Вместе с тем «богобоязненные» господа и бояре строили, восстанавливали и ремонтировали церкви за пределами Молдавского княжества. Так, например, Александр Лэпушняну построил во Львове православный храм, который впоследствии был восстановлен Петром Хрымь и отремонтирован Иеремией Могилой¹. В годы правления сына Стефана III Деспота Водэ боярин Ион Тэутул воздвигнул в Константинополе молдавский дворец («Богдан — сарай»), в котором имелась православная церковь². Василий Лупу разукрасил церковь в валашском городе Тырговиште, в которой покоится прах его отца³.

¹ N. Iorga, Istoria bisericii românești. București, 1929, vol. I, p. 255—256.

² A. Odobescu. Opere complete. București, 1908, vol. 3, p. 159.

³ A. D. Xenopol. Istoria Românilor din Dacia Traiană. București, 1929, vol. 7, p. 15—18.

П47329

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

Кроме того, почти все молдавские церкви и монастыри по различным причинам (пожары, землетрясения, войны и др.) подвергались более или менее основательному разрушению и по существу строились несколько раз. Например, Молдавицкий монастырь, разрушенный землетрясением в начале XVI в., был восстановлен Петром Рарешом в 1532 г.¹ Путнянский монастырь, уничтоженный пожаром в 1484 г., был восстановлен его же ктиторм Стефаном III. Этот же монастырь подвергся реконструкции в 1760 г.² Побратский монастырь, в начале XVI в. разрушенный землетрясением, а через сто лет — неприятельскими войсками, был восстановлен первый раз Петром Рарешом в 1530 г., а второй раз — Василием Лупу в 1645—1646 гг.³ Восстанавливались также Нямецкий (сожженный поляками в 1691 г.), Бисериканский (в 1637 г.), Клатийский (сожженный в 1711 г.), Пречистенский (в 1775 г.) и другие монастыри⁴.

В конце XVII и в начале XVIII в., в связи с усилением турецко-фана-риотского гнета, приведшего к упадку экономической жизни Молдавии и обеднению ее населения, светские и духовные феодалы вынуждены были несколько умерить свой ктиторийский пыл.

В Бессарабии широкое церковное строительство развернулось после ее присоединения к России. В 1812 г. освобожденный край насчитывал внушительное число «богоугодных мест»: 935 церквей, 24 скита и один монастырь. Кроме того, строились еще 30 новых церковных зданий⁵. Однако большинство церквей располагало небольшими деревянными зданиями, не производившими должного впечатления, что не вполне соответствовало их идеологической роли.

При поддержке со стороны царских властей, видевших в нем свою важнейшую социальную опору в Бессарабии, молдавское духовенство приступило к строительству новых больших каменных церквей и реконструкции старых церковных зданий. Широкую деятельность в этом направлении развернули митрополит Гавриил Бэнулеско-Бодони и его преемники — архиепископы кишиневские и хотинские: Д. Сулима, Иринарх, Павел и др.

Результаты этой «деятельности» не замедлили сказаться. В 1851 г. Бессарабия насчитывала 944 церкви⁶, а в 1903 году — 1057 церквей⁷. Открывались новые монастыри главным образом на базе богатых скитов. В 1812—1903 гг. их количество выросло в 15 раз. Почти все деревянные церкви были заменены каменными, снабженными дорогими колоколами. На изготовление колоколов только главного кишиневского собора было израсходовано 16 тонн меди.

Следует отметить, что строительство школ и больниц в Бессарабии в 1812—1917 гг. велось гораздо более медленными темпами. В конце I половины XIX в. здесь имелось около 300 школ, в которых обучалось не более 10 000 детей, а в начале XX в. — 1007 школ. Однако большинство школ размещалось в маленьких неприспособленных, притом наемных помещениях. Они не располагали необходимыми дидактическими и наглядными пособиями и охватывали лишь одну пятую часть детей школь-

¹ I. Nistor, Mănăstirea Moldaviței. Cernăuți, 1923, p. 8.

² D. Dan. Mănăstirea și comuna Putna. București, 1905, pp. 15—17.

³ N. Iorga. Op. cit., vol. I, pp. 101, 392.

⁴ N. Iorga. Istoria bisericii românești, 1932, vol. 2, pp. 75, 81, 92, 176.

⁵ «Кишиневские Епархиальные Ведомости», 1878, № 3, стр. 299—300. (В дальнейшем «КЕВ» — авт.)

⁶ «КЕВ», 1911, № 33—34, стр. 1160—1161.

⁷ «Бессарабия». Сборник под редакцией П. А. Крушевана. Кишинев, 1903, стр. 68.

ного возраста¹. В еще более худшем положении находились учреждения здравоохранения.

Само собой понятно, что строительство, восстановление и ремонт церквей и монастырей, поглощая огромное количество общественного труда, были сопряжены с большими денежными затратами. Например, в 1911 г. на ремонт центрального кишиневского собора городская дума выделила 10 000 руб., митрополия — 1000 руб., а Гиржавский и Добрушский монастыри — по 1000 рублей². И это в то время, когда Бессарабия, как и вся Россия, по расходам на народное образование занимала одно из последних мест в мире. В 1904 г., например, в Бессарабии в среднем было израсходовано на образование 45 коп. на одного человека³.

Гораздо больше денег было израсходовано молдавскими церквами и монастырями на приобретение многочисленных предметов культового обихода. В XVIII в. Сучевецкий монастырь располагал воздухами из красного атласа с подкладкой из светло-голубого атласа стоимостью в 50 000 австрийских крон. Все культовые предметы, принадлежащие этому монастырю, стоили сотни тысяч крон. Путнянский монастырь имел две золотые короны для «чудотворной» иконы, 19 золотых и серебряных крестов, 12 позолоченных икон, 38 других золотых и серебряных предметов, бронзовую люстру весом в 300 килограмм, бронзовую люстру меньшего размера, два серебряных подсвечника, 26 дорогих плащаниц и три воздуха, вышитых золотом. Даже сравнительно небольшой Сахарянский монастырь в XIX в. имел кипарисовый крест, покрытый золотом и серебром, воздух, вышитый золотом и украшенный драгоценными камнями, евангелие с обложками, покрытыми позолоченным серебром⁴. Многими дорогими предметами культового обихода располагали и другие молдавские монастыри.

Роскошное убранство церквей и монастырей резко контрастировало с убогим бытом народных масс Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Оно предназначалось для того, чтобы еще больше подчеркнуть бессилие и беспомощность трудящихся пред сильными мира сего.

Значительная часть предметов культового обихода и денег для приобретения таковых была подарена церквам и монастырям светскими феодалами. Например, сын Стефана III Богдан ежегодно дарил Путнянскому монастырю, а также церквам Романа и Радауц по 800 злотых и много драгоценностей⁵. В 1462 г. крупный боярин Юга подарил Молдавицкому монастырю кадило из позолоченного серебра, лошадь, 25 венгерских золотых и много других ценных вещей⁶. Александр Лэпушняну подарил Путнянскому монастырю 100 аспров и 100 татарских злотых⁷. Все эти подарки, безусловно, делались за счет жестоко эксплуатируемых феодалами народных масс.

Что касается большей части дорогого убранства церквей и монастырей, то она была приобретена за деньги, получаемые в качестве дохода от реализации как прибавочного продукта холопов, зависимых крестьян и ремесленников, так и огромных церковных привилегий (взимание десятины, таможенных, судебных и других пошлин).

Для сбора денежных средств духовенство пользовалось и некоторыми

¹ «История Молдавии», Кишинев, 1951, т. I, стр. 518.

² «КЕВ», 1911, № 40, стр. 338.

³ История Молдавии, стр. 611.

⁴ «Бессарабия», стр. 165.

⁵ N. Iorga, Op. cit., vol. I, p. 107. (В начале XVI в. 800 злотых равнялись стоимости примерно 500 быков, — авт.)

⁶ I. Nistor. Op. cit., p. 6.

⁷ D. Dan. Mănăstirea și comuna Putna, p. 15. (В середине XVI в. 100 аспров равнялись стоимости примерно 10 овец, — авт.)

другими традиционными методами. Во время богослужения, например, во всех церквях и монастырях страны верующие жертвовали немалые суммы денег. В XIX в. в каждом бессарабском православном храме было две копилки: в одну собирали деньги «для церкви», в другую — «в пользу бедных»¹. Однако бедным церковь почти ничего не давала. Постоянно увеличивающийся доход приносила продажа свечей. Если в 1851 г. этот доход в Бессарабии составил сумму в 19 882 руб., то в 1910 г. он увеличился до 72 789 руб. 79 коп.² В то же время годовое жалование учителя составляло в среднем 300 руб., а годовой заработок рабочего 120—150 руб.

Концентрация большого количества драгоценностей и ценных вещей в церквях и монастырях имела ряд отрицательных последствий. Во-первых, она привела к изъятию из обращения и нерациональному использованию значительной части имевшихся в Молдавии драгоценных металлов, которые могли быть успешно использованы для развития производительных сил. Во-вторых, она создала широкие возможности для утечки этих металлов за границу. В подтверждение сказанного достаточно привести следующий яркий пример. Выехав в 1683 г. в Польшу, молдавский митрополит Дософтей забрал с собой около сотни золотых и серебряных крестов, чаш, ложек, лампадок, кадил и подсвечников, много одежды, вышитой серебром и золотом, и ряд других вещей. Эти реальные ценности Молдавия потеряла навсегда.

Кроме того, для нужд богослужения на протяжении веков расходовалось большое количество вина, масла, воска, ладана и других материалов. Заботясь об удовлетворении потребностей культа, многие господа средневековой Молдавии даже запрещали вывоз некоторых из вышеуказанных материалов (воска, например).

Все это вместе взятое являлось определенным тормозом на пути экономического развития страны.

Наряду с вышеупомянутыми затратами молдавский народ должен был платить много денег за различные «священные» реликвии (мощи, иконы и др.), которые православное духовенство на Востоке изготовляло в большом количестве и продавало молдавским и другим феодалам. Например, значительную сумму денег стоила «чудотворная» икона «богоматери», привезенная Стефаном III из Константинополя и подаренная Путнянскому монастырю³. Александр Лэпушияну дал Ватопедскому монастырю на Афоне большую серебряную чашу, много денег и других ценных вещей за мощи, предназначенные Слатинскому монастырю: голову Григория Богослова, челюсти Златоуста и палец св. Анны⁴. Этот же господарь заплатил ювелиру из трансильванского города Сибну 300 червонцев за крест из чистого золота⁵. Много червонцев взял антиохийский патриарх Иоаким за «святую» икону, привезенную им радауцкому епископу Георгию Могиле⁶. Василий Лупу заплатил туркам 300 кошельков червонцев за «мощи» св. Параскивы, которые он велел поместить в серебряной гробнице яского храма «Трех святителей»⁷.

Так называемые священные реликвии играли важную роль в стиму-

¹ N. Popovschi. Istoria bisericii din Basarabia în veacul al XIX-lea, Chişinău, 1931, p. 54.

² «КЕВ», 1912, № 19—20, стр. 9.

³ D. Dan. Mănăstirea și comuna Putna, p. 47—48.

⁴ N. Iorga. Muntele Athos în legătură cu țările noastre. București, 1914, p. 36.

⁵ A. D. Xenopol. Op. cit., București, 1928, vol. 6, p. 229. (В середине XVI в. 300 червонцев равнялись стоимости 100 быков, — авт.).

⁶ N. Iorga. Istoria..., vol. 1, p. 259.

⁷ «Бессарабия» стр. 149. (В то время 300 кошельков золота равнялись стоимости 45 000 быков, — авт.).

лировании религиозных чувств верующих. Широко рекламируемые в качестве идеального средства избавления от любых недугов и болезней, эти «реликвии» привлекали страждующих и приносили духовенству значительные доходы.

Экономический упадок Молдавии конца XVII — начала XVIII в., вызванный ее ограблением турками, татарами и фанариотами, заставил светских и духовных феодалов страны резко сократить закупки «священных реликвий». Но и в последующие века, располагая необходимыми денежными средствами, молдавское духовенство время от времени обновляло и пополняло свой «арсенал». Например, в 1866 г. Кицканский монастырь купил у константинопольского патриарха Кирилла II за большие деньги серебряный позолоченный крест с «частицей» «креста господня», кусочками камня от «гроба господня» и частицами «мощей» св. Модеста, патриарха иерусалимского и св. мученика Харалампия¹. История Молдавии знает много аналогичных фактов.

Так уплывали за границу реальные ценности, созданные трудом и потом молдавского народа. Значительный объем этих затрат также вызывал снижение темпов развития производительных сил страны.

Молдавский народ должен был, кроме того, содержать духовное сословие, в средние века составлявшее немалую часть населения. Согласно переписи 1591 г., духовенство составляло примерно 2,5% населения страны². В последующие столетия численное соотношение между духовенством и мирянами резко изменилось в пользу последних. В начале XX в. это сословие составляло около 0,4% населения и насчитывало в 1903 г. около девяти тысяч лиц обоего пола, т. е. примерно 2500 священнослужителей. (В то же время в Бессарабии работали не более 2000 учителей и 231 врач³). Попы и монахи, не приносящие никакой пользы обществу, получали хорошее жалование, имели большие доходы и жили привольно. Первый глава бессарабской епархии после 1812 г. митрополит Бэнулеско-Бодони получал 8000 левов в год, а его викарий — 6000 левов⁴. Не меньшее жалование получали и его преемники — архиепископы кишиневские и хотинские. В то же время учитель зарабатывал примерно в 10 раз меньше.

Духовенство пользовалось и другими средствами, при помощи которых отнимало у трудящихся последнюю копейку. Часто, особенно в феодальную эпоху, монахи, «вооруженные» «святыми» иконами, бродили по городам и весям Молдавии, собирая деньги и материальные ценности. Попы всячески поощряли нищенство и паломничество.

Но этим не ограничиваются расходы на содержание православной церкви, легшие на плечи молдавского народа. Продуктами его труда светские и духовные феодалы Молдавии на протяжении столетий щедрой рукой одаривали восточных патриархов, а также многочисленные церкви и монастыри, расположенные в так называемых святых местах. Огромную массу даров поглотили монастыри: Зографский, Дионисатский, Кастемунитский, Дохиарский, Каракалльский, Хиландарский, Панкраторский, Ватопедский, св. Григория и церкви св. Павла и св. Лавры на Афонской горе, Влададонский монастырь в Салониках, «гроб господний» в Иерусалиме и монастыри, что на Синайском полуострове. Как отмечает историк и писатель XIX в. А. Одобеску, бояре и духовенство феодальной Молдавии постоянно дарили православным монастырям, расположенным южнее Дуная, «деньги и драгоценности, соль из мол-

¹ «КЕВ», 1883, № 23, стр. 842.

² Н. А. Мохов. Молдавия эпохи феодализма, Кишинев, 1964, стр. 219.

³ «Бессарабия», стр. 42, 61.

⁴ «КЕВ», 1883, № 15, стр. 492.

давских копей, меры пшеницы, меда, воска, ладана и даже холопов-цыган»¹. Много денег получили патриархи Константинопольский, Антиохийский, Иерусалимский и Александрийский.

Первые дары такого рода начали делаться, по-видимому, в конце XIV в. В XV в. их число резко возросло. Александр Добрый подарил Зографскому монастырю 3000 аспров. Стефан III, подарив этому же монастырю 100 венгерских червонцев (в 1466 г.)², в 1470 г. полностью реконструировал его, построил больницу при монастыре и назначил ему 500 аспров годового пособия. В 1497—1499 гг. он реконструировал Кастемунитский и св. Григория монастыри, а также церковь св. Павла.

Еще более щедрыми были преемники Стефана III — Пётр Рареш и Александр Лэпушняну. Оба они постоянно одаривали Зографский, св. Григория и Кастемунитский монастыри. Кроме того, в 1547 г. Рареш обновил и разукрасил Дионисатский монастырь, одарив его дорогой церковной одеждой. Лэпушняну разукрасил Ксенопотамский монастырь, делал дорогие подарки Ватопедскому и св. Григория монастырям, передал Дионисатскому монастырю дорогие молдавские иконы³. Его жена Руксанда подарила Зографскому монастырю 50 000 аспров⁴, построила трапезную и больницу в Дионисатском монастыре; в 1569—1570 гг. она уплатила все причитавшиеся султану долги монахов этого монастыря, подарила монахам Каракалльского монастыря 35 000 аспров для погашения одолженных ими денежных сумм.

Не остались «в долгу» и другие господа XVI в. Петр Хромой, например, ежегодно давал Дионисатскому монастырю и св. Лавре по несколько тысяч аспров⁵. Он подарил Зографскому монастырю 100 венгерских червонцев, а Дионисатскому монастырю 60 000 аспров⁶. Его внук Петр подарил монастырям Хиландарскому 15 000 аспров, Влатадонскому — 2500 аспров и Кастемунитскому — несколько тысяч аспров⁷. Иеремия Могила подарил Зографскому монастырю 100 венгерских червонцев, а св. Лавре — 15 000 аспров⁸.

Но все эти дары незначительны по сравнению с теми, которые послал Василий Лупу. Годы его правления составляют поистине «золотую эпоху» истории одаривания молдавскими господами восточных церквей и монастырей. Один из восточных патриархов не был далек от истины, когда говорил: «...действия этого смиренного господаря можно уподобить Нилу, который поит весь Египет; он погашал бесчисленные долги святого животворного гроба господня»⁹. Действительно, Василий Лупу оказывал всяческую, притом огромную помощь восточному духовенству. Так, он уплатил долг константинопольского патриарха Парфения II в размере 25 000 руб. и 25 000 султанов, чтобы Иоаким стал александрийским патриархом, помогал монахам Синайского полуострова и т. д. Не удивительно, что даже некоторые восточные патриархи (например, иерусалимский патриарх Паисий), пользовавшиеся денежной помощью

¹ A. Odobescu. Op. cit., p. 79. (Дарение цыган свидетельствует о том, что светские и церковные феодалы Молдавии поддерживали пережитки рабовладельческого строя, — авт.).

² A. D. Xenopol. Op. cit., vol. 6, p. 30. (В начале XV в. 3000 аспров равнялись стоимости примерно 300 овец, — авт.).

³ N. Iorga. Muntele Athos..., pp. 20—23, 36—38.

⁴ A. D. Xenopol. Op. cit., vol. 6, p. 30. (В середине XVI в. 50 000 аспров равнялись стоимости 4000—5000 овец, — авт.).

⁵ N. Iorga. Muntele Athos..., pp. 39, 40.

⁶ A. D. Xenopol. Op. cit., vol. 6, p. 31.

⁷ N. Iorga. Muntele Athos..., p. 40.

⁸ A. D. Xenopol. Op. cit., vol. 6, p. 31.

⁹ N. Iorga. Op. cit., vol. I, p. 318.

со стороны Лупу, посвящались в сан в молдавской столице¹, где правил этот «ревностный защитник святой восточной церкви», как написано на его могиле.

Много подарков «святым местам» посылали и «богобоязненные» молдавские бояре. Так, например, современник Петра Рареша боярин Гавриил Тротушану построил водопровод в Панкраторском монастыре. Кроме того, некоторые восточные монастыри получали бесплатно соль из молдавских копей, являвшихся собственностью господарей.

Все эти щедрые дары, однако, не удовлетворяли ненасытных восточных иерархов. Эксплуатируя миллионы православных христиан и ведя в условиях оттоманской империи безбедную жизнь², они часто приезжали в Молдавию за подачками. Многие из них за одну поездку успевали посетить Валахию, Молдавию и Россию. В XVI в., например, в Молдавию приезжали константинопольские патриархи Иеремия и Иоасаф, антиохийский патриарх Иоаким и другие.

Настоящим бедствием для молдавского народа явилась многовековая практика преклонения молдавских церквей, монастырей и сел восточной церкви.

Начавшаяся в XVI в., эта пагубная практика получила максимальное развитие в XVII—XVIII вв., будучи выражением стремления светских и церковных феодалов Молдавии заручиться поддержкой со стороны влиятельного восточного духовенства. В результате, в начале XIX в. преклоненными оказались почти все молдавские монастыри, многие церкви и села. Большая часть доходов этих монастырей и церквей, а также плодов труда жителей преклоненных сел, поступала в распоряжение восточной церкви.

В Бессарабии такое положение сохранилось и после ее присоединения к России. Из 242 000 десятин земли, принадлежавшей бессарабским монастырям во второй половине XIX в., 180 000 десятин составляли фонд преклоненных земель³. Лишь в начале XX в., согласно закону от 1 июля 1912 г., большая часть доходов от эксплуатации монастырских земель стала поступать в распоряжение российского Синода⁴.

Нет и не может быть никакого сомнения в том, что вышеуказанные подарки и пожертвования представляли собой скрытый способ ограбления страны восточными церковными феодалами. В то же время они наглядно раскрывают антинациональную политику многих господарей и руководителей молдавской церкви в прошлом. Даже некоторые буржуазные историки вынуждены были признать, что Василий Лупу, например, столь щедро одаривая восточную церковь, не учитывал «реальную основу своего положения». Ограбленная духовенством, турками и татарами, Молдавия в конце XVII в. настолько обеднела, что не имела денег для содержания «печатников, переводчиков и вообще ученых людей»⁵.

Присваивая значительную часть плодов труда молдавского народа, православная церковь редко поддерживала его в годину тяжких испытаний, не помогала бедным и обездоленным. Духовенство не только оставалось равнодушным к страданиям народных масс, на протяжении столетий подвергавшихся жестокому экономическому, политическому и национальному гнету, но и способствовала усилению этого гнета.

Среди многочисленных фактов, подтверждающих этот вывод, отме-

¹ N. Iorga. Op. cit., vol. I, pp. 319, 315.

² А. П. Лебедев. История греко-восточной церкви под властью турок. Сергиев посад, 1896, стр. 114.

³ «История Молдавии», стр. 355—356.

⁴ N. Popovschi. Op. cit., pp. 433—434.

⁵ N. Iorga. Op. cit., vol. I, pp. 321, 419.

тим следующие. В 1555 г. крупные бояре и представители высшего духовенства Молдавии предложили турецкому султану трансильванские владения молдавских господарей или Оргеевский и Лапушнянский уезды, а также увеличение дани в три раза взамен свержения ненавистного им господаря Александра Лэпушняну, отстаивавшего национальные интересы страны. Через пять лет они обратились с аналогичной просьбой к австрийскому императору¹. Молдавское духовенство не поддержало храброго господаря Иона Лютото, поднявшего народ на борьбу с турецкими поработителями. Более того, в самый критический момент молдавский митрополит Теофан сбежал за границу, захватив с собой много золота². Отмежевываясь от прогрессивных сил, в начале XIX в. поддержавших гетеристов, митрополит В. Костаке в разгар антитурецкой борьбы выехал за пределы Молдавии³.

Примерно то же самое можно сказать о «помощи», оказанной церковью бедным и обездоленным. В этом отношении весьма показательна «благотворительная» деятельность церковного «братства», возникшего в 1870 г. в с. Введенское Аккерманского уезда. «Братство» владело довольно большим хозяйством. С 1 октября 1881 г. по 1 октября 1882 г. оно получило 4779 руб. 75 коп. дохода, из которого в помощь бедным было выделено лишь 19 руб.⁴

В то же время молдавское духовенство не допускало никаких колебаний, когда речь шла о защите интересов эксплуататорских классов. Например, через несколько дней после начала первой мировой войны оно создало «Духовный комитет», который лишь до 17 апреля 1915 г. собрал для «защиты родины» 263 073 руб. 62 коп.⁵. Этот же комитет торжественно обещал построить приют для детей погибших воинов. На страницах бессарабской церковной прессы появился даже проект здания приюта, который, однако, так и остался на бумаге. Таким образом, духовенство не помогало трудящимся даже тогда, когда они умирали за интересы церкви, помещиков и капиталистов.

Все же, стремясь во что бы то ни стало подчеркнуть положительную роль православной церкви в истории молдавского народа, представители буржуазной историографии всегда приписывали ей некие особые заслуги в области развития молдавской культуры.

В эпоху феодализма церковь, безусловно, играла важную роль в области культурной жизни. Тогда, подчеркивает Ф. Энгельс, «монополия на интеллектуальное образование досталась попам, а само образование приняло тем самым преимущественно богословский характер... А это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»⁶.

Сказанное Ф. Энгельсом полностью применимо к характеристике молдавской культуры эпохи феодализма. Действительно, в монастырях была написана значительная часть молдавских летописей. При церквях и монастырях возникли первые школы в стране, а сами церковные здания и предметы культа в значительной мере воплощают уровень развития молдавского средневекового зодчества и живописи. В XV—XVIII вв.

представители духовенства составляли большинство образованных людей страны. Вместе с тем культура, пропагандируемая церковью, была в основном религиозной культурой, враждебной науке и прогрессу. Молдавские летописи XV—XVI вв. истолковывали исторические события в духе провинциализма. Даже творчество летописцев XVII—XVIII вв. (М. Костина¹, И. Некулче², Н. Милеску³, Д. Кантемира⁴ и др.) в целом отражает теологические взгляды на природу и общество. Что же касается школ при церквях и монастырях, то они насчитывали мало учащихся, в основном детей бояр и духовенства. В этих школах, кроме основ грамоты, изучались, как правило, «священное писание» и молитвы.

Верховное господство богословия в области умственной деятельности имело ряд негативных последствий. Почти все население Молдавии было неграмотным. Даже жены многих господарей не умели ни читать, ни писать.

После присоединения Бессарабии к России царские власти уделили особое внимание профессиональной подготовке местных попов. В 1813 г. открылась Кишиневская духовная семинария. В ближайшие десятилетия в городах Бессарабской области возникло несколько епархиальных мужских и женских училищ. Духовные учебные заведения получали большие денежные ассигнования от государства и богатых монастырей.

Следует отметить и тот факт, что эти учебные заведения насчитывали больше учащихся, нежели соответствующие учебные заведения других губерний России и светские школы Бессарабии, а на их содержание выделялось все больше денег. Так, в 1868 г. в кишиневской духовной семинарии обучались 511 учеников, против 432 учеников московской и 223 учеников петербургской духовных семинарий⁵. В 1903 г. кишиневское женское епархиальное училище насчитывало 548 учениц, против 406 учениц 1-й кишиневской женской гимназии⁶. На каждого ученика или ученицу было израсходовано: в кишиневской духовной семинарии — 64 руб. (в 1867—1868 учебном году⁷), в кишиневском епархиальном мужском училище — 136 руб. (в 1914—1915 учебном году)⁸, а в кишиневском епархиальном женском училище — 219 рублей (в том же учебном году)⁹. Колоссальные цифры по сравнению с теми мизерными денежными средствами, которые расходовались на народное образование в среднем на душу населения в Бессарабии начала XX века.

Рост производительных сил, а также элементов капитализма в экономике Бессарабии вызывал потребность в светской школе. В 20—40-х гг. XIX в. здесь возникла сеть государственных начальных школ. В 1833 г. открылась кишиневская мужская гимназия, а в 1842 г. — известное по всему югу России училище садоводства. Все это привело к резкому сокращению числа школ при церквях и монастырях.

В этих условиях царские власти, заботясь о религиозном воспитании трудящихся, начали усиленно насаждать самый отсталый вид начальных школ — церковно-приходские школы, в которых учителями являлись

¹ В. Коробан, Мирон Костин. «Уч. записки КГУ», 1957, т. XXXI, стр. 114—126.

² В. П. Коробан, Е. М. Руссев. Кроникарул Иоан Некулче. Кишинэу, 1956, п. 76—77.

³ Д. Т. Урсул. Философские и общественно-политические взгляды. Н. Г. Милеску Спафария. Кишинев, 1955, стр. 34.

⁴ В. Н. Ермулатский. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев, 1956, стр. 70—71.

⁵ «КЕВ», 1868, № 15, стр. 27—28.

⁶ «Бессарабия», стр. 419—421.

⁷ «КЕВ», 1869, № 15, стр. 436.

⁸ «КЕВ», 1915, № 49, стр. 588—589.

⁹ «КЕВ», 1915, № 51—52, стр. 674.

¹ „Istoria României”, București, 1962, vol. 2, pp. 822, 904, 922.

² N. Iorga. Op. cit., vol. 1, p. 163.

³ C. Erbiceanu. Istoria mitropoliei Moldaviei și Sucevei și a catedralei mitropolitane din Iași. București, 1888, p. LXX.

⁴ «КЕВ», 1883, № 1, стр. 21.

⁵ «КЕВ», 1915, № 3, стр. 23; № 13—14, стр. 254.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 7, стр. 360—361.

священники. В свою очередь, православная церковь усилила свое влияние на процесс преподавания в светских школах.

Игнорируя огромные успехи наук нового времени, бессарабские богословы и во второй половине XIX в., и в начале XX в. продолжали утверждать, что божественные чудеса, «приостанавливая действие законов природы»¹, подтверждают идею креационизма. Они предприняли ярые атаки против естествознания, особенно против дарвинизма. В 1914 г. ректор кишиневской духовной семинарии Дамьян провозгласил крах дарвинизма. «Вера наша никаких эволюций, никаких Дарвинов не боится»², — заявил через год его друг и единомышленник Платон. Естественные науки, говорил богослов А. Л. Крылов, могут развиваться лишь в том случае, если они подтверждают бытие бога. По мнению Крылова, религиозные верования первичны и вечны, а естественные науки производны от них, вторичны³. С невероятно тупой настойчивостью богословы повторяли избитый, притом ложный тезис, согласно которому все крупные естествоиспытатели были верующими людьми⁴.

Борьба бессарабского духовенства против естествознания сопровождалась кричащей «критикой» в адрес материализма вообще и диалектического материализма в особенности. Становясь частично на позиции махизма, А. Л. Крылов отрицал существование матери как таковой, пропагандировал агностицизм⁵. Широко используя аргументы ревизиониста Е. Бернштейна и буржуазного социолога В. Зомбарта, бессарабские богословы пытались представить исторический материализм в качестве вульгарного материализма⁶.

Вышеказанное свидетельствует о том, что в борьбе с марксизмом православная церковь смыкалась с реакцией в области философии и социологии.

Бессарабское духовенство выступало также против прогрессивной литературы. Оно приветствовало и проводило в жизнь реакционный указ царского правительства от 5 января 1884 г., согласно которому в России были запрещены произведения Маркса и Энгельса, Герцена и Добролюбова, Писарева и Златовратского, Лаврова и Михайловского, Щапова и Шелгунова, Флеровского и А. Смита, Сеченова, Гексли и других ученых и писателей⁷. Даже в 1913 г., когда этот указ уже был аннулирован самой жизнью, богословы продолжали поносить труды Маркса и Энгельса, Дицгена и Лассаля, Лаврова и Туган-Барановского, Пшибышевского и Андреева, Сергеева-Ценского и Горького⁸.

Священники воспринимали чувства неприязни к светскому искусству. «...Театральные и другие развлечения и удовольствия, — писали они, — еще никогда и нигде не возрождали и не улучшили жизни народа... наше современное искусство погружает человека в чувствительность... художники слова, кисти, пения, театра, раздражающие страсти литературными произведениями и картинами, разъезжающие по свету с своим пением и представлениями, проповедуют только поклонение плоти и страсти»⁹.

¹ «КЕВ», 1869, № 16, стр. 511.

² «КЕВ», 1915, № 50, стр. 1433.

³ А. Л. Крылов. Педагогические очерки, вып. III. Кишинев, 1900, стр. 26—27.

⁴ «КЕВ», 1911, № 6, стр. 205—206.

⁵ А. Л. Крылов, Указ. соч., стр. 82.

⁶ См. статьи «Верно ли утверждение о неизбежности наступления социализма с научной точки зрения?» («КЕВ», 1907, №№ 39, 40); «Религиозно-нравственная оценка научного социализма (марксизма)» («КЕВ», 1907, №№ 41, 42); «К вопросу о прогрессе вообще, научно-материальном в частности» («КЕВ», 1913, №№ 28, 29) и др.

⁷ «КЕВ», 1884, № 18, стр. 619—627.

⁸ «КЕВ», 1913, № 41, стр. 1556—1557.

⁹ «КЕВ», 1902, № 11, стр. 234—235.

Приведенные и другие аналогичные факты служат конкретным подтверждением того, что православная церковь Молдавии, находившаяся в условиях антагонистических обществ на стороне эксплуататорских классов, являлась серьезным препятствием для развития светского образования и науки.

Все же церковь не смогла приостановить процесс развития наук в Молдавии. Даже самые рьяные пропагандисты религиозных идей постоянно укрепляя позиции теологии, не могли не способствовать осуществлению ряда культурных мероприятий (написание летописей, печатание церковных книг, открытие школ при церквях и монастырях и т. д.), объективно отражавших потребности светской жизни и способствовавших культурному развитию страны.

Понимая необходимость экономического и культурного развития феодальной Молдавии, многие образованные люди начали отходить от чисто геологического взгляда на мир. Это уже чувствуется в творчестве Г. Уреке, М. Костина, И. Некулче¹. Н. Милеску и Д. Кантемир сделали шаг вперед по пути свободомыслия, их мировоззрение включает отдельные элементы материализма².

Развитие и утверждение капиталистических отношений в Молдавии создали условия для развития естественных наук. В конце XIX и в начале XX вв. здесь развернула плодотворную деятельность группа естествоиспытателей (И. Красильщик, Н. Могилянский, А. Барладян, П. Роговский, А. Коцовский и др.), труды которых способствовали ослаблению влияния религиозной идеологии³.

Вопреки утверждениям духовенства, православная церковь не способствовала улучшению нравов молдавского народа. Не могла она сделать это хотя бы потому, что, как признают даже некоторые буржуазные историки, служители православного культа на протяжении веков «были в плену всех пороков и почти не знали, во имя какой веры они говорят»⁴.

Действительно, молдавское духовенство не столько заботилось о «сокровищах небесных», как этого требует христианская вера, сколько старалось иметь побольше земных сокровищ. Отсюда его безудержная погоня за движимым и недвижимым имуществом. Сотни и тысячи исторических документов раскрывают все беззакония, чинимые духовенством во имя увеличения церковных имуществ.

Чуждаясь производительного труда, попы и монахи любили изысканные блюда и красивые дорогие одежды. Такой образ жизни встречал осуждение со стороны не только трудящихся масс, но и отдельных представителей господствующего класса. Например, господарь Деспот считал духовенство «племенем тунеядцев, заботящихся лишь о собственном чреве»⁵, а Антиох Кантемир II открыто выражал свою неприязнь к «злым и ленивым монахам, в которых не нуждаются ни бог, ни люди»⁶.

Жадность духовенства была безграничной. Некоторые митрополиты брали взятки даже за возведение в священнический сан. На страницах

¹ А. Бабий, Д. Драгнев, П. Советов. К вопросу о правильном освещении истории общественно-политической мысли Молдавии. «Коммунист Молдавии», 1959, № 3, стр. 74.

² Д. Урсул. Философские и общественно-политические взгляды Н. Г. Милеску Спассария. Кишинев, 1955, стр. 57; В. Н. Ермуратский. О некоторых философских категориях в трудах Д. Кантемира. «Известия МФАН СССР», 1958, № 3 (48), стр. 5—7.

³ А. Бабий, В. Н. Ермуратский. Из истории развития естественных наук в Молдавии во второй половине XIX — начале XX вв. «Из истории науки и техники». Кишинев, 1963, стр. 39—48.

⁴ N. Iorga. Op. cit., vol. 1, p. 172—173.

⁵ Там же.

⁶ «Бессарабия», стр. 145—146.

русской газеты «Современный вестник» один бессарабский поп открыто писал: «Попы берут взятки. Консистория берет взятки. Берут взятки у всех и за все»¹. Красноречивое признание!

Жадное и скупое, молдавское духовенство было весьма расточительным, когда дело касалось удовлетворения его собственных желаний. Так, митрополит Я. Стамати (конец XVIII в.) сумел в течение одного года растратить взятые в долг 80 000 лей². История православной церкви в Молдавии знает огромное число любовных похождений митрополитов, епископов, священников и монахов. Например, романский епископ Никанор (XVI в.) весьма часто посещал женский монастырь. Монашки Сокольского монастыря, признавал митрополит В. Костаке, «не отличались должным целомудрием»³. Митрополит Антоний (середина XIX в.) держал в своем доме работницу, которая приходила ночью к нему, а иногда приводила и других женщин⁴.

«Святым отцам» Молдавии не были чужды чувства ненависти и несправедливости. В начале княжения Александра Доброго, нуждавшегося в послушной и подчиненной ему церковной организации, митрополит Молдавии и ставленник константинопольского патриарха Иеремия вынужден был покинуть княжество. Уходя, он предал анафеме всю страну. Когда Побратский монастырь при поддержке своего ктитора Петра Рареша стал первым по значимости в княжестве, монахи Путнянского монастыря, охваченные завистью и злостью, оскорбили и прокляли его⁵. Митрополит Барбовский (начало XVII в.), сговорившись с претендентами на молдавский трон Томшей и Гаврилашку, во время причастия пытался отравить молодого господаря Константина Могилу⁶. Духовенство освятило авторитетом бога известное Уложение 1646 г., предусматривавшее в высшей степени жестокие наказания (убийство, сожжение, вливание раскаленного свинца в рот и др.). Оно оправдывало и освящало все беззакония, чинимые светскими феодалами. Короче говоря, молдавское духовенство не соблюдало те нормы христианской морали («не крадь», «не убивай», «не прелюбодействуй», «люби ближнего твоего как самого себя» и др.), которые оно считало божественными и обязательными для трудящихся.

Наиболее дальновидные представители феодального класса понимали пагубность подобной практики. Вот почему они приняли ряд мер, призванных улучшить нравы служителей культа. В начале XVII в. господарь Мирон Барновский запретил монашкам и цыганкам находиться в стенах мужских монастырей. В 1741 г. господарь Константин Маврокордат обязал монахов молиться богу. В 1776 г. господарь Александр Ипсиланти потребовал от монахов, чтобы они вели простой и высоконравственный образ жизни. В письме, адресованном попам и монахам, митрополит Г. Калимаки (XVIII в.) рекомендовал им носить «простые и смиренные платья» и не увлекаться дорогими одеждами, сшитыми из индийских тканей.

Конечно, все эти меры преследовали определенную цель: спасти «моральный капитал» православия и сохранить его престиж в глазах верующих. Но они оказались тщетными. Народные массы Молдавии прекрасно знали подлинную цену морали «святых отцов». Об этом свидетельствуют

¹ «КЕВ», 1868, № 20, стр. 468.

² N. Iorga. Op. cit., vol. 2, p. 185.

³ N. Iorga. Femeile în viața neamului nostru, Vălenii de Munte, 1911; p. 171.

⁴ «Молдова Социалистэ», 1964, 2 апреля.

⁵ D. Dan. Mănăstirea și comuna Puțna, p. 158.

⁶ N. Iorga. Op. cit., vol. 1, p. 243.

многочисленные прекрасные произведения молдавского фольклора¹. В своей повседневной жизни, в ходе многовековой борьбы за социальное и национальное освобождение, народные массы Молдавии придерживались тех моральных принципов, которые соответствовали их социально-политическим чаяниям. Они прославляли труд и трудолюбие, честность и простоту, осуждали эксплуатацию человека человеком, богатство, роскошь, праздность, разврат и другие принципы морали господствующих классов.

Вышесказанное служит конкретным подтверждением того неоспоримого факта, что в условиях феодализма и капитализма православная церковь Молдавии дорого обошлась трудящимся массам. В качестве надежного союзника господствующих классов она являлась безжалостным эксплуататором народных масс и серьезным тормозом на пути экономического прогресса Молдавии. В то же время православная церковь не была, да и не могла быть постоянно действующим фактором культурного и нравственного прогресса молдавского народа.

¹ См. составленный Г. Ботезату, М. Савиной и Г. Тимофте сборник «Нородул деспре религии ши клер». Кишинев, 1961.

И. Г. ХЫНКУ

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ И ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПАХ АНАЛИЗА ГЛИНЯНОЙ БЫТОВОЙ ПОСУДЫ

Вопросы терминологии, описания и анализа бытовой глиняной посуды слабо освещены в археологической литературе. Целиком посвящена этим вопросам работа В. А. Городцова¹, которая до сих пор является ценным методическим пособием. После статьи В. А. Городцова, работ, полностью посвященных терминологии и методике изучения керамики, не было.

Многие археологи при описании массового керамического материала, предлагающие, в той или иной мере, принципы анализа и описания посуды, пользуются общеизвестными терминами или вводят новые.

При описании теста, из которого изготовлены сосуды, в археологической литературе можно встретить такие определения², как: «...группа изделий из достаточно плотной (рыхлой, тонкой) глины черно-бурого оттенка»³, «...преобладает тщательно изготовленная посуда из хорошо отмученной глины»⁴, «...чашечка, изготовленная из хорошо обработанной, тонкой, просеянной глины желто-красного цвета» или «...чашка, изготовленная из прекрасно обработанной глины, очень плотной, красно-желтого цвета»⁵.

На мой взгляд, эти определения столь не точны, что даже специалисту-археологу, сведущему в этой области читателю, остается только догадываться, о чем идет речь.

При описании венчика в литературе можно встретить такие определения: «сосуд со слабо выраженной венчиком, с косо срезанным внутри краем», «...сосуд с широким прямым венчиком»⁶, «...они (сосуды) имеют невысокий, слегка отогнутый наружу венчик»⁷ и др.

Таковы же и определения, выражающие форму шейки, плечиков и тулова: «...сосуд с невыраженной шейкой и округлым туловом»⁸, «...обломки принадлежали округлотелым или баночным горшкам»⁹, «...шейка и

плечики выражены очень слабо, тулово конической формы, венчик отогнут наружу, шейка выражена слабо, стенки слегка выпуклые»¹ и др.

Не менее неопределенные термины применяются при описании облика и цвета посуды. Многие исследователи пишут: «...сосуды из глины плохого (среднего и хорошего) обжига»², «...лепные сосуды изготовлялись из неочищенной глины, с крупными примесями в глине, имели серый или серо-бурый цвет, отличались слабым обжигом»³, «...сосуд обожжен очень плохо — крошится»⁴, «...обжиг их (сосудов) более равномерный, цвет — от ярко-красного до черного»⁵ и др.

К этим и многочисленным другим терминам исследователи привыкли, хотя они крайне неопределенны. Их использование не считается ошибочным, если даже читателю не понятно, о чем идет речь в тех или иных определениях.

Применение более конкретных терминов и определений в археологической литературе является делом договоренности исследователей. Их применение имело бы весьма благоприятные последствия при изучении массовой, бытовой посуды. Так, при сравнении и картографировании посуды с одними и теми же относительно одинаковыми чертами, можно было бы узнать, что общего и какие различия имеются между комплексами посуды различных поселений, групп памятников, культур и др. При этом керамика сыграла бы более значительную роль как археологический материал чем до сих пор.

В предлагаемой работе предпринимается попытка определить основные термины или определения и соответствующие им конкретные данные. Они написаны на основе керамического материала молдавского средневековья и современного гончарного производства данной территории. Предлагаемые относительные размеры определены также на основе средневековой керамики с территории Молдавии. На мой взгляд, данная терминология и данные тех или иных определений могут подойти и для других территорий.

Следует особо отметить, что написана работа на основе массовой бытовой керамики. Экземпляры глиняной посуды замысловатых форм и необычных размеров, изготовленные древними или современными гончарами, не учтены. Это связано с тем, что такие изделия не соответствуют законам развития и типологии массовой бытовой посуды. При их изучении требуется особый подход.

С древних времен и до настоящего времени гончары изготовляли глиняную посуду из специально приготовленного теста. В разные периоды степень обработки сырья и состав теста глиняных изделий не одинаковы. Это связано с конкретными условиями развития техники производства глиняной посуды, традициями и пр. Гончары всегда выбирали нужную им глину, если было необходимо, прибавляли в нее определенные примеси, отмучивали, оставляли загнивать (отлеживаться), а из этого теста изготовляли сосуды.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: какие процессы приготовления теста можно установить по фрагментам глиняной посуды, встречаемым на древних поселениях? На мой взгляд, можно с достоверностью установить: какую глину выбрал гончар, насколько очистил ее от естественных включений, прибавил ли примеси и какие. Насколько тесто бы-

¹ В. А. Городцов. Русская доисторическая керамика, XI, АС, т. I, М., 1901.

² Работы авторов, на которые даются ссылки, как пример использования общепринятых, но мало говорящих определений или терминов взяты случайно, а не для полемки.

³ Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладги, СА, т. XV, М.-Л., 1951, стр. 231, 235.

⁴ А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники надпорожья, МИА СССР, № 82, М., 1960, стр. 161, 165, 172.

⁵ М. Ю. Брайчевский. Ромашки, МИА СССР, № 82, М., 1960, стр. 131—132.

⁶ Я. В. Станкевич. Указ. соч., стр. 222.

⁷ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, МИА СССР, № 74, М.-Л., 1958, стр. 32, 39.

⁸ Я. В. Станкевич. Указ. соч., стр. 222.

⁹ А. Н. Брайчевская. Указ. соч., стр. 161.

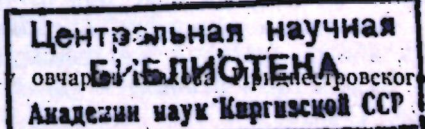
¹ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 38, 39.

² Я. В. Станкевич. Указ. соч., стр. 235.

³ А. Т. Брайчевская. Указ. соч., стр. 161.

⁴ Э. А. Сымонович. Раскопки могильника МИА СССР, № 82, 1960, стр. 2117.

⁵ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 39.

ло отмучено и сколько оно сгнило (отлежало), невозможно установить. Отсюда часто встречаемые в археологической литературе определения — «хорошо отмученное тесто» или «тщательно отмученное тесто», что само по себе ни о чем не говорит, — не нужны.

Изучение средневековой керамики Молдавии позволяет говорить о тесте двух видов: тощем и жирном.

Тощее тесто приготовлено из тощей глины без искусственных примесей или из жирной глины с прибавлением тех или иных примесей. Из тощего теста гончары Молдавии и других территорий изготовляли и изготовляют сосуды для варки пищи, т. е. те сосуды (горшки, сковороды, макитры, кувшины для молока и пр.), которые, будучи изготовленными из тощего теста, являются огнеупорными. Керамика, изготовленная из тощего теста, как правило, шероховатая, в изломе зернисто-пористая, а на ощупь жесткая.

Жирное тесто приготовлено из жирной глины без примесей. Из жирного теста гончары Молдавии и других территорий изготовляли и изготовляют глиняные изделия для хранения запасов (воды, молока и пр.), но не для варки пищи, т. е. они неогнеупорны. К формам посуды, изготовленным из жирного теста, относятся тарелки, миски, кувшины, кружки и пр. Керамика, изготовленная из жирного теста, как правило, гладкая, в изломе компактная, без видимых пор, а на ощупь мелоподобная. Сосуды, изготовленные из этого теста, часто покрывались лощением.

Примеси бывают следующих видов:

Мягкие примеси: они прибавлялись к недостаточно тощей глине. К этим примесям относятся мелкотолченые ракушки улиток, мягкий известняк, мелкий шамот, растительные примеси и пр. Из теста с мягкими примесями изготовлялись сосуды как для хранения запасов, так и для приготовления (варки) пищи.

Жесткие примеси прибавлялись к жирной глине. К ним относятся: дресва, песок, крупный шамот, твердый известняк и пр.

Конкретная терминология частей формы посуды

В археологической литературе имеется много терминов, обозначающих различные части формы глиняной посуды. Одни из них довольно конкретны, другие расплывчаты.

Ниже предлагается терминология частей формы посуды. Каждый сосуд состоит из двух основных частей: горловины и тулова.

Горловина — верхняя часть сосуда. У некоторых форм посуды горловина не «рабочая», а только завершает рабочую часть сосуда, определяет форму и хозяйственное назначение предмета и является как бы «крышкой» над его рабочей частью. Горловина охватывает профиль сосуда от верхнего края до его наиболее широкой части (рис. 1—3). У некоторых сосудов горловина состоит из трех частей (венчика, шейки и плечиков) (рис. 2—3), у других — из двух (венчика и плечиков) (рис. 1). Есть сосуды, горловина которых состоит только из одного венчика. Это сосуды баночной формы.

Профиль горловины сосудов представляет наибольший интерес при изучении керамики. Размеры горловины у сосудов зависят от величины ее составных частей (венчика, шейки и плечиков), поэтому установить какие-либо конкретные или относительные размеры трудно.

Венчик — верхняя часть горловины сосуда (рис. 1—3). Он бывает различный: простой или сложной формы, разных размеров.

Отделенный венчик — когда его наличие чем-то особо выражено (рис. 1—3).

Неотделенный венчик — когда венчиком является верхний край горловины сосуда (кувшины, миски, сковороды) (рис. 8).

Венчики всех размеров и форм можно объединить в две большие группы: утолщенные и вытянутые.

Утолщенные — эти венчики могут быть круглые, уплощенные, фигурные, но общая форма — утолщенная (рис. 1—2).

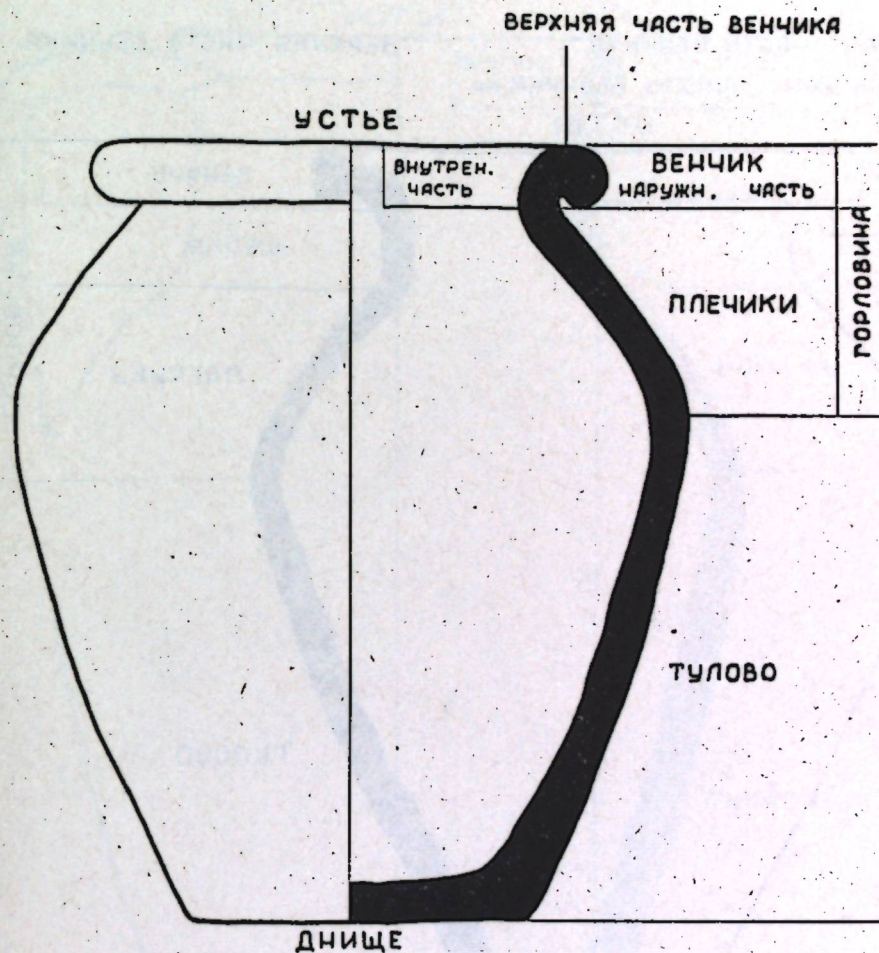

Рис. 1. Основные части сосуда XI—XIV вв.

Вытянутые — это венчики плоские, той же толщины, что и стенки остальной части сосуда, и выражены только их положением по отношению к остальной части сосуда (рис. 3—4).

Венчики могут быть трех основных форм и положений.

Прямой венчик — когда он вертикального положения (рис. 4—1).

Оттогнутый венчик — когда дугообразным изгибом выведен из стенок остальной части сосуда (рис. 4—2).

Венчики могут быть разной степени оттогнутости.

Слегка оттогнутый венчик — так он может быть назван, когда угол между вертикальной линией шейки и его плоскостью достигает 30° (рис. 4—4).

Средне-оттогнутый венчик — когда угол между вертикальной линией шейки и его плоскостью достигает 45° (рис. 4—5).

Сильно оттогнутый венчик — когда этот же угол более 45° (рис. 4—6).

Загнутый венчик — когда оттогнут более, чем до горизонтального положения (рис. 4—7).

Сильно загнутый венчик — когда его плоскость свернута в виде трубочки или сплошного валика (рис. 4—8).

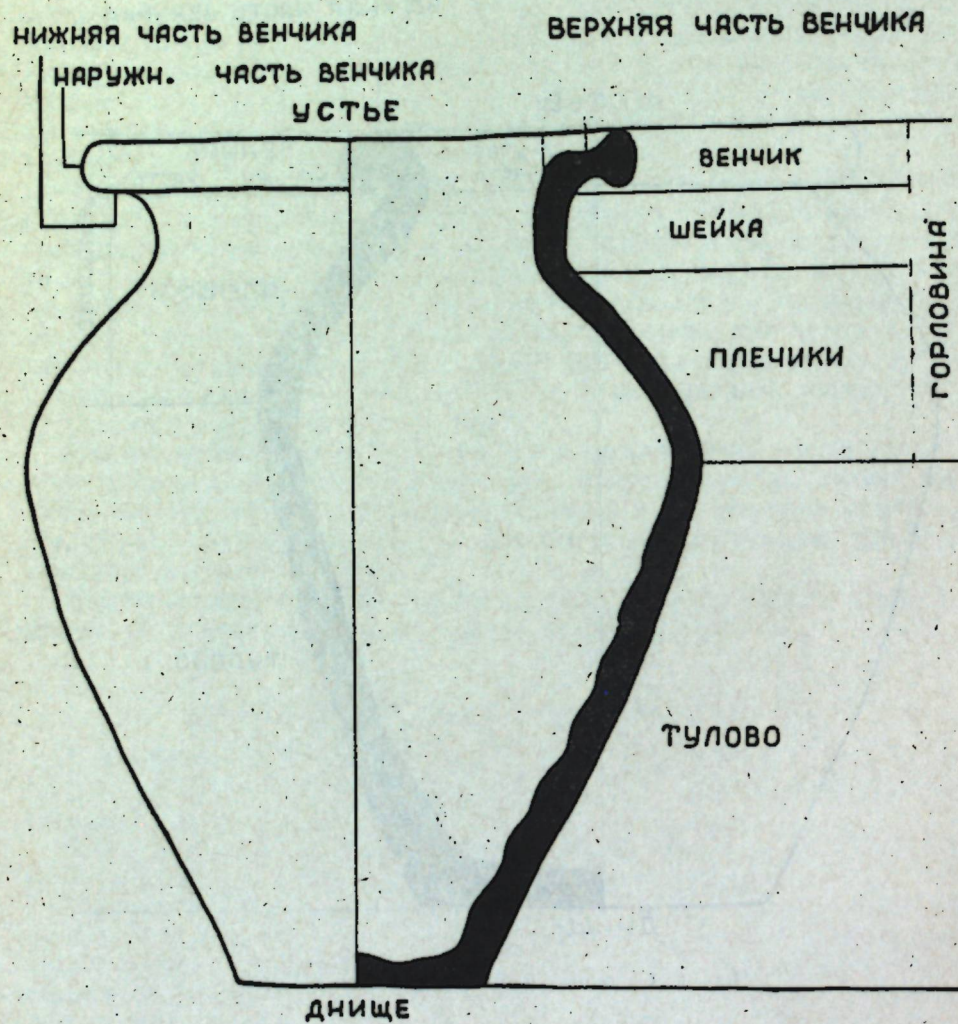

Рис. 2. Основные части сосуда XIV—XV вв.

Отклоненный венчик — когда между плоскостью венчика и вертикалью сосуда бывает определенный угол (рис. 4—9—12). Он может быть различной степени отклонения.

Слегка отклоненный венчик — когда угол между вертикальной линией сосуда и плоскостью венчика достигает около 30° (рис. 4—9).

Среднеотклоненный венчик — когда этот же угол бывает около 45° (рис. 4—10).

Сильно отклоненный венчик — когда угол между вертикалью шейки и его плоскостью более 45° (рис. 4—11).

Горизонтальный венчик — когда его плоскость имеет горизонтальное положение (рис. 4—12).

Венчики могут быть разной величины. Можно установить три средних размера, отражающих их относительные величины.

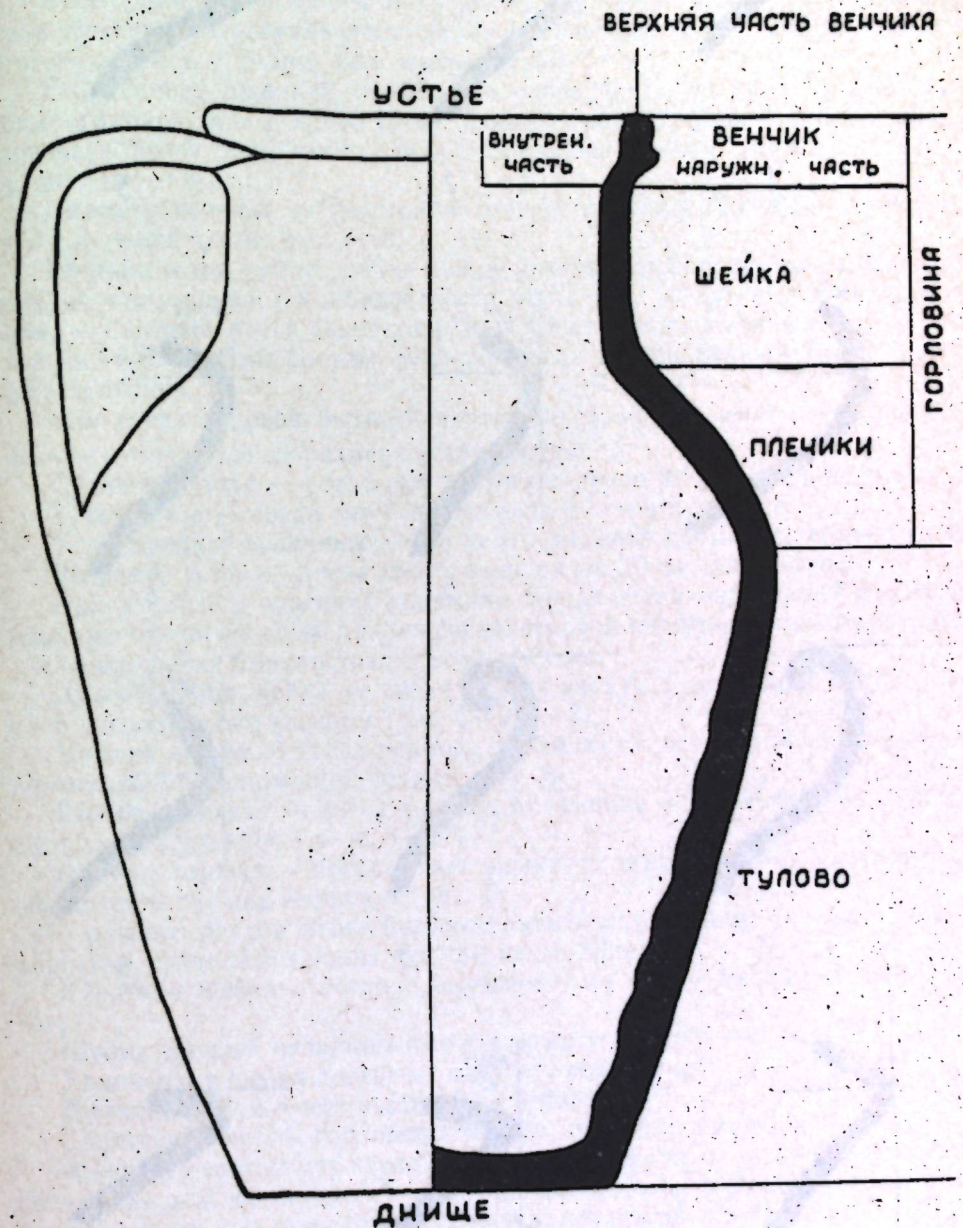

Рис. 3. Основные части сосуда XV—XVII вв.

Короткий венчик — величина его плоскости не превышает 1 см.

Венчик средней величины — когда длина плоскости бывает около 2 см.

Высокий венчик — его размеры более 2,5 см.

Для облегчения описания венчика или имеющих на нем каких-либо деталей можно пользоваться определениями его основных частей.

Внутренняя часть охватывает внутреннюю сторону венчика. Она может быть различной формы, украшенная и пр. (рис. 1, 3).

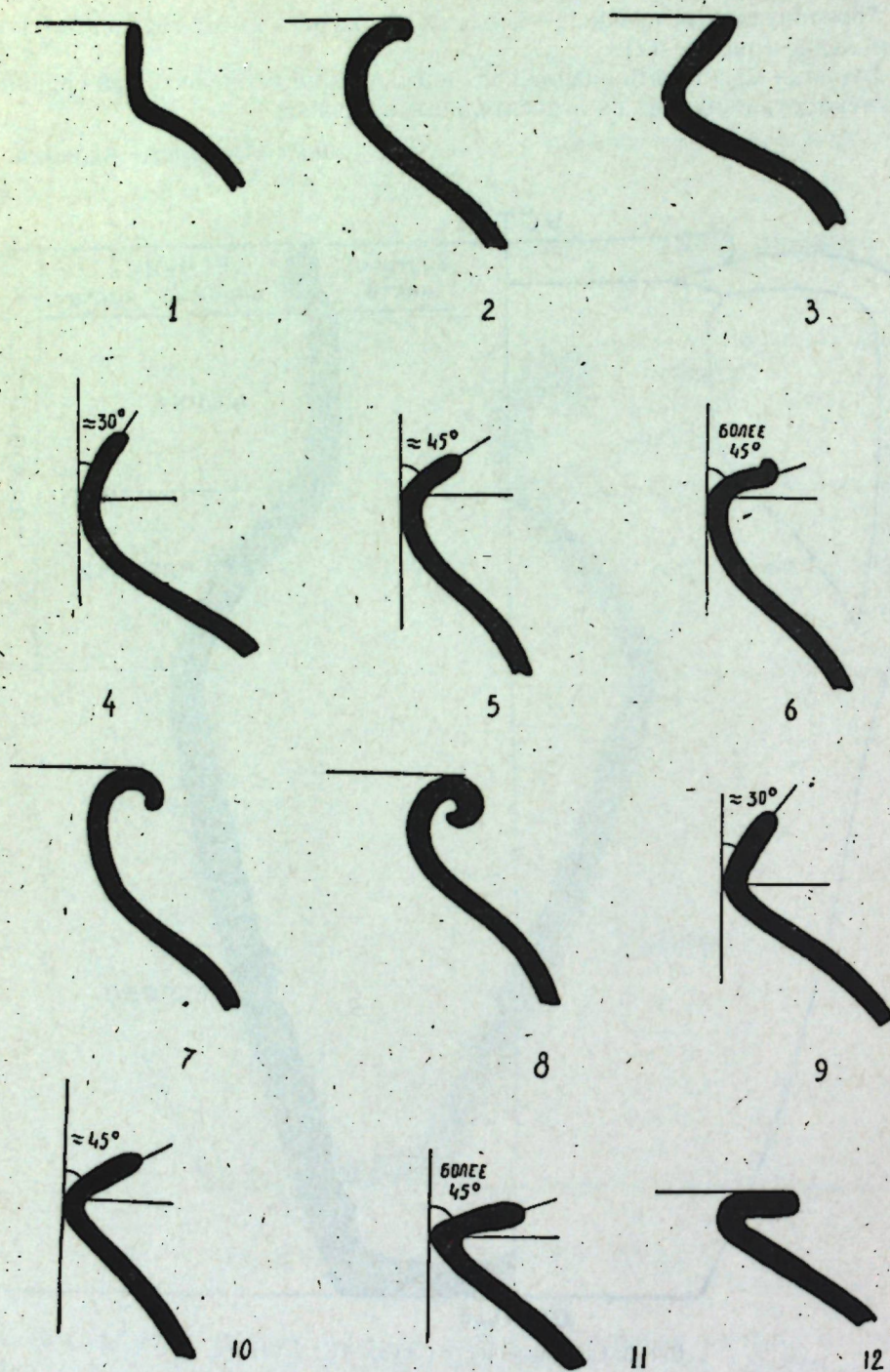

Рис. 4. Основные виды форм венчиков.

Верхняя часть венчика — его верхняя сторона, она может быть разнообразной формы: плоской, округленной и пр. (рис. 1—3).

Наружная часть венчика охватывает его лицевую, наружную поверхность, форма которой также может быть округленной, плоской, покрытой орнаментом и пр. (рис. 1—3).

Нижняя часть бывает не у всех сосудов, а только у тех, венчик которых сильно отогнут или отклонен наружу. Она охватывает нижнюю поверхность венчика, форма которой также может быть различной: дугообразной, плоской, выпуклой, покрытой орнаментом и пр. (рис. 1—2).

Как правило, археологи пользуются термином «диаметр венчика», под которым подразумевается ширина отверстия, через которое заполняется сосуд, т. е. размер или ширина устья.

Если венчик широкий, что бывает очень часто, то диаметр венчика намного шире, чем диаметр устья. Таким образом, лучше было бы пользоваться двумя терминами с конкретным обозначением: диаметр венчика и ширина устья.

Диаметр венчика — расстояние между противоположными точками его наружной части (рис. 1—3).

Ширина устья — расстояние между противоположными точками внутренней части шейки в наиболее узком месте (рис. 1—3). Нет сомнения в том, что ширина устья зависела и зависит от использования в хозяйстве той или иной формы посуды. В связи с этим ее определение имеет большое значение.

Для средневековой бытовой керамики Молдавии можно установить четыре относительных размера устьев сосудов.

Суженное устье — когда оно достигает около 4—5 см в диаметре.

Узкое устье — когда оно бывает около 10 см в диаметре.

Устье средней величины — когда его диаметр достигает около 15 см.

Широкое устье — когда оно бывает около 20 см в диаметре.

При анализе и описании керамики большое значение имеет форма и размеры шейки сосудов. Анализ средневековой керамики показывает, что у сосудов шейки бывают трех основных форм.

Дугообразная шейка — когда венчик связан с остальной частью сосуда дугообразным изгибом (рис. 4—2, 4—8).

Прямая шейка — когда переход от венчика к остальной части сосуда вертикального положения, прямой (рис. 3).

Шейка-перехват — когда переход от венчика к остальной части сосуда образует угол (рис. 4—3, 9—12).

Бывают горшки, у которых нет шейки. В таких случаях плечики начинаются сразу под венчиком (рис. Г).

У разных сосудов шейки бывают различных размеров. Они могут быть короткими, средней величины, удлиненными и длинными.

Короткая шейка отчетливо выражена, но не превышает 2 см в высоту.

Шейка средней величины имеет в высоту около 4 см.

Удлиненная шейка достигает в высоту около 6 см.

Длинная шейка имеет высоту 8 см и более.

Составной частью горловины сосуда являются плечики.

Плечики охватывают верхнюю половину сосуда от шейки до его наиболее широкой части (рис. 1—3). Они могли быть: дугообразными, прямыми, узкими или широкими, пологими, покатыми, крутыми.

Дугообразные плечики представляют собой дугообразно-выпуклый переход от шейки к тулову (рис. 3).

Прямые плечики представляют собой прямолинейный переход от шейки к тулову (рис. 1—2).

Узкими плечиками могут быть названы те, ширина которых достигает около 5 см.

Плечики средней ширины, когда их длина имеет около 7 см.

Широкие плечики — те, расстояние между краями которых бывает около 10 см.

Пологие плечики — те, у которых линия поверхности близка к горизонтальному положению, а угол между линией горизонтали и поверхностями плечей не более 30° (рис. 5—2).

Покатые плечики — те, у которых угол между горизонтальной линией сосуда и поверхностью составляет около 45° (рис. 5—1).

Крутые плечики — те, у которых угол между горизонтальной линией сосуда и поверхностью плечей равен более 45° (рис. 5—3).

Плечики сосудов (их самая широкая часть) могут быть различных диаметров, а именно:

Плечики небольшого диаметра — когда размер достигает около 10—15 см.

Плечики среднего диаметра — около 20—25 см.

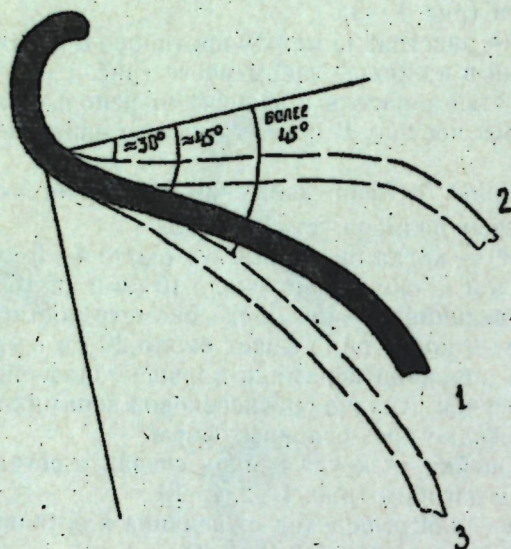

Рис. 5. Основные виды положения плечиков сосудов.

Плечики широкого диаметра — размер около 30—35 см.

Тулово — «рабочая» часть сосудов. Она охватывает нижнюю половину сосуда от его наиболее широкой части до дна (рис. 1—3).

Оно может быть пяти основных форм:

Тулово баночной формы — когда стенки вертикальные (рис. 6—1). Возможно употребление этого термина и когда стенки минимально наклонны наружу или слегка дугообразны.

Тулово в виде опрокинутого усеченного конуса — когда его стенки расширяются кверху от дна и не профилированы, а прямые (рис. 6—2).

Тулово чашеобразной формы — такое же, как и тулово в виде перевернутого усеченного конуса, только его стенки дугообразны, дугой обращены наружу (рис. 6—3).

Тулово грушевидной формы бывает, когда его стенки профилированно расширяются кверху от дна (рис. 6—4).

Тулово пиалообразной формы бывает, когда оно имеет полусферическое очертание (рис. 6—5), т. е. оно такое же, как чашеобразное, только стенки сильно дугообразны. Оно может быть четырех основных размеров.

Низкое тулово — когда высота достигает около 10 см.

Короткое тулово — у которого высота бывает около 10—15 см.

Тулово средней величины — высота достигает около 20—25 см.

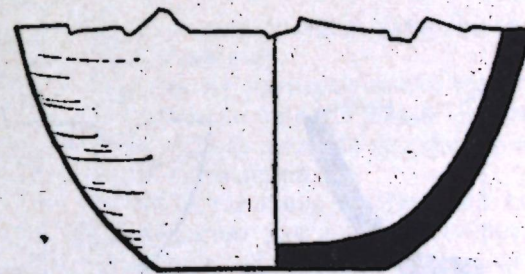
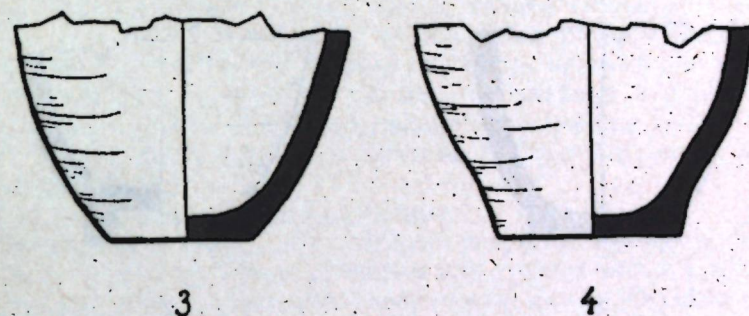

Рис. 6. Основные формы тулов сосудов.

Высокое тулово бывает, когда оно достигает в высоту 30—40 см и более.

Днище сосудов также может служить признаком величины керамических бытовых изделий.

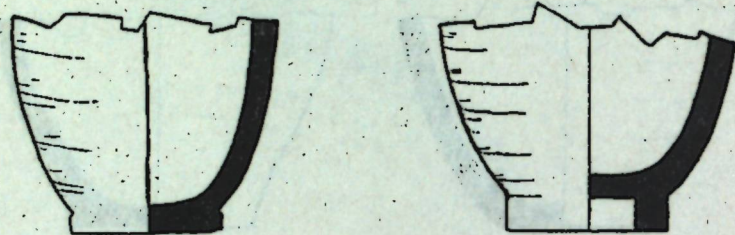
Днища средневековых сосудов могут быть следующие:

Плоское днище бывает, когда у сосуда нижняя часть тулова горизонтальная, ровная и ничем не выделяется (рис. 7—1).

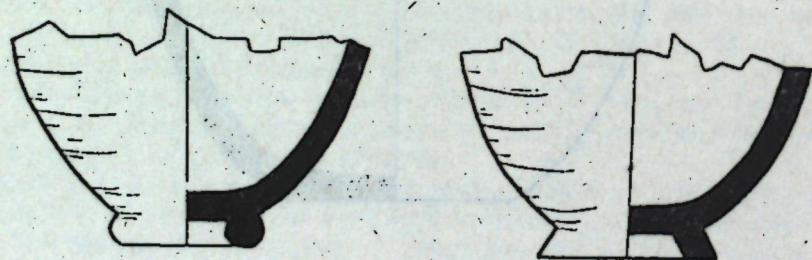
1

2

3

4

5

6

Рис. 7. Основные виды дниц сосудов.

Вогнутое днище такое же, как плоское, только не ровное, а дугообразное, дугой обращенное вверх (рис. 7—2).

Плитчатое днище такое же, как плоское, только оно выделено от стенок тулова в виде плитки. Эти днища всегда немного шире, чем нижний край стенок тулова сосуда (рис. 7—3).

Днище на кольцевом поддоне бывает:

б) **Цилиндрическое** — такое же, как жгутовидное, только вместо валика по диаметру имеется лента различной толщины и ширины. В общих чертах поддон этой формы подобен полуму цилиндру (рис. 7—4);

а) **Жгутовидное** — такое же, как плоское или вогнутое, только по его диаметру имеется круглый или овальный в сечении валик (рис. 7—5).

в) **Усеченноконическое** — такое же, как предыдущие, только вместо цилиндра по диаметру имеется полый усеченный конус (рис. 7—6).

Узкое днище — то, диаметр рабочей части (нижнего края) которого составляет около 5 см.

Небольшое днище — то, у которого диаметр составляет около 10 см.

Днище средней величины — диаметр которого примерно 15 см.

Широкое днище имеет в диаметре 20 см и более.

Украшение бытовой посуды. Средневековая керамика, особенно ранняя, богато покрыта орнаментом. Способ его нанесения, формы или виды орнаментальных мотивов и материал, которым он нанесен, весьма разнообразны. Анализ средневековой керамики Молдавии показывает, что можно привести в определенную систему только основные типы орнамента. Что касается видов узоров, то они столь разнообразны и несут индивидуальный характер, что трудно или почти невозможно установить определенную терминологию или систему их анализа и описания. Все, что можно было сделать в этом направлении, изложено в работе В. А. Городцова¹, посвященной анализу и системе описания русской доисторической керамики.

Орнамент бывает пяти основных видов.

Углубленный орнамент — тот, который углублен в поверхности стенок сосуда. Он может быть нанесен штампом или другим инструментом, вдавливающим или снимающим часть поверхности сосуда. Он бывает в виде прямых (ровных), волнистых, зигзагообразных линий, фестонов, ямочек различной формы и пр.

Инкрустированный орнамент такой же, как и углубленный, только его углубления заполнены пастой, поливой, краской или каким-либо другим материалом.

Рельефный орнамент представляет собой украшения в виде разнообразных форм валиков, утолщений и пр.

Лощеный орнамент состоит из разнообразных форм украшений, основной деталью которых являются пролощенные линии.

Расписной орнамент может быть нанесен краской или поливой в виде украшений, различных форм и замыслов.

Трудно, да и невозможно установить какую-либо классификацию и соответствующую ей терминологию для орнаментальных мотивов бытовой посуды даже для одной культуры. Однако ясно одно: орнамент на сосудах что-то изображает. Разгадать замысел рисунка дело трудное, а часто невозможное. Иногда же это удается. К интересным попыткам разгадать орнаментальные изображения на сосудах относится интерпретация академика Б. А. Рыбакова относительно изображений на черняховских сосудах древнего календаря.

В связи с этим представляет интерес то, что на многих сосудах орнаментальная полоса четко разделяется на две части.

Смысловое изображение занимает центральную часть полосы орнамента. Оно состоит из зооморфных или различных стилизованных изображений. Это ясно видно на ряде древних и современных сосудов.

¹ В. А. Городцов. Русская доисторическая керамика, XI Арх. С., т. I. М., 1901.

Кайма представляет собой определение границ с обеих сторон полосы смыслового изображения. Она может быть различной ширины при разнообразной форме ее составных частей.

Обжиг глиняной посуды бывает:

Окислительный — когда посуда обожжена при свободном доступе воздуха к изделиям на последнем этапе процесса. С окислительным обжигом связаны светлые цвета керамических изделий: красный и белый различных оттенков.

Восстановительный — когда посуда обожжена без доступа воздуха к изделиям на последнем этапе процесса. С восстановительным обжигом связаны темные цвета изделий: черный и серый различных оттенков.

Керамика может быть:

тонкая — когда толщина стенок тулова достигает 0,5 см;

средней толщины — толщина стенок тулова достигает 0,7 см;

утолщенная керамика — толщина стен тулова 1 см;

толстая керамика — когда толщина стенок тулова более 1 см.

Таковы основные термины и определения, необходимые, на наш взгляд, при анализе и описании средневековой керамики. Предлагаемые термины, их унификация и конкретизация должны облегчить работу исследователей над массовым керамическим материалом.

Основные принципы анализа глиняной бытовой посуды

Этот вопрос почти не освещен в русской и советской археологической литературе. В. А. Городцов¹, излагая, на что надо обратить внимание при описании керамики, указал, какие данные формы, размеры и техника производства глиняной посуды представляют особый интерес при ее изучении. Из советских археологов затрагивали этот вопрос, с разных точек зрения, А. В. Арциховский², Я. В. Станкевич³, Б. А. Рыбаков⁴, А. Л. Монгайт⁵ и другие исследователи. И все же этот вопрос до сих пор изучен слабо.

При изучении керамического материала археологи обращают внимание на его две стороны: технику производства и формы посуды. Какая из них имеет главное, а какая второстепенное значение при всестороннем изучении керамики? На мой взгляд, определяющее значение имеет форма посуды. Об этом свидетельствует ряд соображений. Формы керамических изделий зависят от техники производства только частично. Разнообразие простых и сложных форм было как при лепной, так и при гончарной технике производства. Технический прием в гончарном деле влияет, прежде всего, на труд гончара, количество и качество посуды и, меньше всего, на форму изделия. Техника производства определяет основные этапы развития гончарного дела, и ее выявление при анализе и описании керамики обязательно. При изучении формы посуды большое значение имеют два основных принципа: хозяйственно-бытовой и формально-типологический.

Целью первого принципа является определение хозяйственно-бытового назначения тех или иных глиняных изделий, изготовленных мастером гончарного дела, как ответ на спрос потребителей посуды.

Целью второго принципа является выявление закономерных видоизменений деталей формы посуды во времени.

¹ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 579—615.

² А. В. Арциховский. Курганы вятичей, М., 1930.

³ Я. В. Станкевич. Указ. соч., стр. 219.

⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 163—182.

⁵ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, МИА СССР, № 49, 1955, стр. 108—128.

Хозяйственно-бытовой принцип анализа посуды

Основной продукт мастеров гончарного дела — различные формы бытовой посуды. Потребителей гончарных изделий не интересовала техника производства, им были нужны прочные сосуды разнообразных форм для использования в домашнем хозяйстве.

На мой взгляд, общая форма и размеры того или иного сосуда зависят от его использования в домашнем хозяйстве, т. е. бытового назначения. В каждой археологической культуре, в данном случае средневековой Молдавии, сосуды бывают различных форм и разных величин (маленькие, средние и большие). Часто посуда одной формы бывает разных размеров. Не бывает так, чтобы для одной культуры были характерны только большие сосуды, а для другой — маленькие.

Как правило, у различных культур большие сосуды, превышающие 25—30 см в высоту, предназначены для хранения запасов зерна и пр. Сосуды средней величины, достигающие в высоту от 15 до 25 см, и маленькие, высота которых достигает 10—15 см, предназначались для приготовления и принятия пищи, а также для хранения мелких запасов.

Нет сомнения, что сосуды любой формы и величины в домашнем хозяйстве могли быть использованы кратковременно или длительное время, для любых целей, т. е. не по назначению.

Однако для исследователей это не имеет значения. Главное — замысел, функционально-бытовое назначение одного или целой группы сосудов той или другой формы. Высота посуды и другие размеры имеют большое значение для определения бытового назначения керамических изделий. Это связано с наличием целых экземпляров, что не всегда бывает. При этом, на мой взгляд, можно использовать имеющиеся данные, форму и рабочее положение горловины, диаметр устья, форму и размер плечей, толщину стен и пр. Относительную высоту сосуда, исходя из наиболее возможного варианта, на мой взгляд, можно установить довольно легко.

Диаметр устья, форму и рабочее положение верхней части сосуда можно установить по любому фрагменту горловины, по которому можно установить диаметр венчика. Форма нижней части плечиков указывает на основное направление стен тулова. Высоту тулова и диаметр днища (примерно) можно установить исходя из соотношения горловины к тулову (в Молдавии) для сосудов средней величины — 1:2,5—1:3 и больших — 1:4—1:5.

При такой реконструкции ошибки столь невелики, что их можно не принимать во внимание, тем более, если это касается массового материала большой группы одновременных сосудов одного бытового назначения.

Таким образом, при анализе керамики следует определить прежде всего форму и размеры изделий и зависящее от них хозяйственно-бытовое назначение сосудов.

Формально-типологический принцип анализа посуды

Наиболее сложным, трудным вопросом при изучении керамики является выявление закономерности видоизменения отдельных частей профиля изделий во времени. Чаще всего видоизменение частей формы посуды во времени явны, однако установить их закономерность, убедительно обосновать их последовательность и с чем это связано, очень трудно. Этот процесс, видимо, происходит так медленно и постепенно, что очень трудно установить узкие и конкретные хронологические рамки для от-

	ВРЕМЯ	Т	И	П	Ы	
		А	Б	В	Г	Д
		IX-X вв.	X в.	X-XI вв.	XI в.	XI-нач. XII вв.
Ы	ГОРШКИ					
	ВРАШСКИЕ ГОРШКИ					
Р	КУВШИНЫ					
	ЛИСКИ, ТВОРОЖНИЦЫ					
Ф	СКОВОРОДЫ					
	ЛЕПЕШНИЦЫ					

Рис 8. Типологическое видоизменение форм венчиков восточно-славянской керамики Молдавии в IX—XII вв.

дельных вариантов, отличающихся друг от друга деталями формы. И все же изучение славянской керамики Молдавии показывает, что формально теологический анализ посуды дает весьма интересные результаты.

Анализ форм бытовой посуды позволяет утверждать, что во времени видоизменяется закономерно и часто, главным образом, профиль венчика. Через большие промежутки времени, но также закономерно, видоизменялись формы шейки, плечей, тулова и ширина орнаментальной полосы.

Типологические видоизменения особенно четко видны на формах посуды славян Молдавии IX—XI вв.

Для этого периода известно несколько форм глиняных бытовых изделий, отличающихся друг от друга профилем и, соответственно, хозяйственно-бытовым назначением. К ним относятся горшки (две формы), горшкообразные кувшины, миски, творожницы, сковороды и лепешницы.

Все формы посуды в IX—XI вв. проходят пять основных этапов типологического видоизменения.

Характерная черта первого этапа — край венчика (наружный или верхний в зависимости от его профиля) округлен (рис. 8, тип А).

Характерная черта второго этапа — край венчика срезан вертикально у сосудов с отогнутым венчиком (горшков) и горизонтально у остальных глиняных изделий (рис. 8, тип Б).

Характерная черта третьего этапа — край венчика срезан косо во внутрь у всех форм посуды, за исключением лепешниц, для которых такой срез не имеет ни практического, ни эстетического значения (рис. 8, тип В).

Характерная черта четвертого этапа — край венчика может быть такой же, как и у предыдущих, т. е. округленный или срезанный. По нижней части у сосудов с отогнутым венчиком и по наружной у остальных изделий имеется валик рельефный или напленной различной формы в сечении (рис. 8, тип Г). Исключение составляют сковороды и лепешницы. Сковороды с валиком, видимо, пока не найдены¹, а для лепешниц наличие валика не имеет практического значения, поэтому его не делали.

Характерная черта пятого этапа — по верхней части венчика имеется ложбинка (рис. 8, тип Д). Этот факт представляет интерес, будучи чисто типологическим явлением. Как правило, ложбинки по верхней части венчика у сосудов связаны с наличием крышек. Для славянской керамики IX—XI вв. Молдавии крышки не известны.

Таким образом, видоизменение формы венчика у славянских сосудов Молдавии IX—XI вв. чисто типологическое, связанное с применением все более совершенного гончарного круга, ростом мастерства гончаров и со стремлением мастеров украсить не только поверхность посуды, но и ее форму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа написана на основе анализа средневековой керамики Молдавии. Терминология, относительные размеры и закономерности развития глиняной бытовой посуды, предлагаемые в работе, пригодны для данной территории. Возможно, однако, что ряд данных можно будет применить при изучении комплексов керамики других территорий.

В работе имеется около ста терминов и определений. Почти все они общеприняты в литературе. В данном случае только конкретизировано их

¹ На поселении Лукашевка V (Оргеевский р-н МССР) в слое X—XII вв. найден фрагмент сковороды с валиком.

значение. Наличие большого количества терминов и определений не означает, что при описании одного сосуда они все должны быть употреблены. Многие из них заменяют или вытекают друг из друга. Если определить, что керамика жароустойчивая, то вытекает, что в тесте посуды имеются примеси или глина тощая; тогда структура черепка пористая, поверхность керамических изделий шероховатая и пр.

Если считать, что керамика лощеная, то можно сделать вывод, что глина жирная, жестких примесей нет, структура черепка плотная, изделие использовалось для принятия пищи или хранения запасов и пр.

Термины и определения направлены только на выявление тех черт посуды, которые позволяют установить технику производства, закономерности видоизменения формы и хозяйственно-бытовое назначение.

Хочется думать, что предлагаемая работа хотя бы частично поможет выяснению вопроса о конкретной терминологии при описании принципов анализа глиняной бытовой посуды.

П. П. БЫРНЯ

ЗАРОЖДЕНИЕ СЕЛА, КАК ОСНОВНОГО ТИПА ПОСЕЛЕНИЯ МОЛДАВИИ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

Под типом поселения следует понимать социально-экономическую его разновидность. Селом, слободой, хутором и другими терминами именуется различные разновидности типов поселений. С изменением социально-экономического строя общества изменяется и тип поселения. Следовательно, изменение типов поселений находится в прямой зависимости от изменений в способе производства.

Вопрос о типах поселений в Молдавии до настоящего времени не только не изучался, но даже не был поставлен ни в буржуазной, ни в советской историографии.

Одним из древних типов поселений на территории Молдавии был кут, появившийся в результате разложения и сегментации семейной общины. Куты были патронимными поселками¹. Кут сохраняется и в сельской территориальной общине, а в период господства феодального способа производства он выступает в средневековых грамотах как часть села.

Господствующим типом поселения Молдавии в эпоху феодализма было село. В источниках села фигурируют как оформившиеся, уже существующие категории, но ранний этап, от появления предпосылок зарождения села до его полного оформления в определенную общественно-историческую категорию, совершенно не изучен. Поэтому очень важным является решение вопроса об образовании села, как типа поселения, и путях его зарождения.

Основная сложность в изучении этого вопроса заключается в том, что до сих пор отсутствуют исследования, посвященные изучению семейной и сельской общины на территории Молдавии, что находится в прямой связи с изучаемым вопросом.

Общинной терминологии уделили свое внимание румынские исследователи-медиевисты В. Костакел и К. Чиходару. В. Костакел на основании анализа встречающихся в грамотах терминов «суседи» и «межнаши» и привлечения сравнительного материала доказывает, что этими терминами, обозначающими зависимых крестьян, раньше называли членов сельской общины, как это было на Руси. Отсюда автор выводит, что в середине века Молдавии знала сельскую общину². Вторая статья В. Костакел также посвящена разложению сельской общины³. Автор, к

¹ П. П. Бырня. Кут — древний тип сельского поселения на территории Молдавии. «Известия МФАН СССР», № 5 (83), Кишинев, 1961, стр. 67—77.

² V. Costăchel. Despre problema obștilor agrare în Țara Românească și Moldova în sec. XIV—XV. „Studii și cercetări de istorie medie”. t. 1, 1951, p. 91—109.

³ V. Costăchel. Desagregarea obștii sătești în Țările Române în Evul Mediu. „Studii și referate privind istoria României”, t. 1, 1954, p. 753—799.

сожалению, пытается осветить вопросы на слишком узком материале, не привлекая других подтверждающих данных.

Специально вопросу о сельской общине в Молдавии посвятил одну из своих работ К. Чиходару. Автор привлекает обширный письменный материал и дает подробный анализ общинной терминологии. Привлеченный в статье и тщательно проанализированный материал грамот и интерпретация отдельных общинных терминов «хотар», «поле» и других привели автора к убедительному, на наш взгляд, выводу, что эти термины обозначают сельскую общину-марку¹. Этот вывод автора является доказательством того, что сельская община, господствовавшая на территории Молдавии до зарождения феодальных отношений, сохранилась и во время дальнейшего развития и расцвета последних.

Патронимные поселки (куты в Молдавии) существуют и в условиях сельской общины²; они являются носителями родственных отношений в территориальной общине.

Говоря об эволюции общины, В. Костакел в качестве доказательства тезиса о самоуправлении общин отождествляет упоминавшихся в документах князей, жуде и ватаманов со старейшинами общин³. Если согласиться с мнением автора, что в одном селе было двое старейшин, как, например, в селе, «где Тамаш и Иван князове», то отсюда вытекает, что в хотар одного села включены две территориальные общины. Это противостоит естественности. Кроме того, известно, что сельская община — это большая территориальная единица, охватывающая целый ряд поселков. Ф. Энгельс в «Марке» указывает, что «... еще в «Имперском праве» XIII или XIV столетия принято, что марка по общему правилу включает от 6 до 12 сел»⁴.

Н. С. Державин, опираясь на данные Фр. Буяка, указывает, что польское ополье представляло территориальное объединение сел от 10 до 20 и более⁵. К. Чиходару, характеризуя структуру сельской общины, указывает, что село является частью общины (под названием село имеется ввиду общинный поселок), что внутри общины только одно селение — ватрэ — играет основную, ведущую роль. Это основное селение, от которого отпочковались остальные⁶. Автор здесь имеет в виду упомянутое Ф. Энгельсом в «Марке» материнское село, окруженное дочерними поселками. Последних К. Чиходару называет кутами⁷. Автор правильно угадал, что сельская община могла состоять, в основном из кутов; угадал потому, что не приводит никаких доказательств в подтверждение этого положения, не раскрывает сущности последних, не объясняет, что они собой представляют.

Ввиду того, что К. Чиходару не раскрывает сущности кутов, он приходит к неверному положению, в котором смешивает куты с приселками, упоминаемыми в оригиналах грамот⁸. Между этими двумя видами поселений есть существенная разница. Куты могли существовать и долго существовали внутри сельской общины, в основном, как пережитки более ранней формы поселения, основанной на родственных связях. Ф. Энгельс, ссылаясь на работы М. М. Ковалевского, указывает, что сельская

¹ С. С. Cihodaru. Contribuții la cunoașterea obștii țărănești în Moldova. „Studii și cercetări științifice”, istorie, VIII, fasc. 1, 1956, p. 5—17.

² П. П. Бырня. Указ. соч., стр. 78.

³ Р. Р. Panaitescu, V. Costăchel, A. Cazacu. Viața feudală în Țara Românească și Moldova (sec. XIV—XVII). Buc., 1957, p. 105—106.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, 1933, стр. 631.

⁵ Н. С. Державин. Славяне в древности. М., 1946, стр. 81.

⁶ С. С. Cihodaru. Op. cit., стр. 17.

⁷ Там же, стр. 17.

⁸ Там же.

община у германцев развилась из крупных домашних общин¹. Сельская община, основанная на территориальных соседских отношениях, видимо, состояла не только из кутов. Она являлась территориальной единицей, и трудно допустить, что поселения, которые она объединяла, были связаны только родственными узами и играли в отдельности какую-либо существенную роль. С ростом численности населения в поселках, от них отпочковывались отдельные семьи или группы семей, создававшие новые поселки. Последние с течением времени теряли всякую родственную связь, и их взаимоотношения превращались в чисто территориальные. Примером этого может служить округ Вранча, в котором, по утверждению Х. Х. Шталя, с увеличением размеров кутов и в связи с исчезновением прямого родства с ватрой появляется тенденция к отделению кутов от ватры².

М. В. Витов совершенно справедливо отмечает, что проблема средневековых поселений не может быть разрешена вне связи с историей общинного строя³. В противном случае нельзя будет уловить предпосылки образования села, как типа поселения.

С появлением частной собственности наступает начало разложения семейной общины. «Имущественные различия между отдельными главами семей, — указывает Ф. Энгельс, — взрывают старую коммунистическую домашнюю общину везде, где она еще сохранилась; вместе с ней исчезает и совместная обработка земли за счет этой общины»⁴. Далее Энгельс указывает, какой именно из земельных участков общины прежде всего перешел в частную собственность: «Первым земельным участком, перешедшем в частную собственность отдельного лица, была усадебная земля. Неприкосновенность жилища, — эта основа всякой личной свободы, — перешла с кочевой кибитки в бревенчатый дом оседлых крестьян и постепенно превратилось в полное право собственности на усадьбу»⁵.

С переходом дома и усадьбы в частную собственность процесс производства уже перестает быть коллективным для всей общины. Обрабатываемая раньше совместно, общинная земля делится на определенное количество участков периодических делимых. Каждый участок обрабатывался силами одного домохозяйства, которому он был предоставлен. Каким образом происходили переделы, Ф. Энгельс обрисовывает в «Марке»: «Как происходили пределы, мы можем видеть еще и теперь на Мозеле и в лесных районах Прирейнской области, в так называемых *Gehörterchaften*⁶. В этих местностях, — правда, не ежегодно, но все же каждые 3, 6, 9 и 12 лет, — вся пахотная земля, поля и луга во всей своей общей массе разделяются на некоторое число «конов» (*Gewanne*), смотря по расположению и качеству почвы. Каждый кон снова делится на столько равных частей, в виде длинных узких полос, сколько правомочных членов имеется в общине. Эти части распределяются между последними по жребью, так что каждый член общины получал первоначально равную долю земли в каждом коне, стало быть, землю разного расположения и разного качества почвы»⁷.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1945, стр. 154.

² N. N. Stahl. Contribuții la studiul satelor devalmase românești, t. I, 1958, p. 206.

³ И. В. Витов. О классификации поселений. СЭ, № 3, 1953, стр. 32.

⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1945, стр. 184.

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, стр. 632.

⁶ Объединение дворов, своего рода аграрное товарищество.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс... Соч., т. XVI, стр. 632.

Особый интерес для нас представляет указание К. Н. Тарновского, что в соседней общине южных славян земельные участки, уже находящиеся в частном владении крестьян-общинников, обозначаются словами «доля» или «жребий»¹. Но приведенная им статья «Земледельческого закона» допускает и иное толкование этих терминов. В статье 8-й говорится: «Если раздел произведен несправедливо, для некоторых в жребиях и местоположении пусть будет позволено аннулировать произведенный раздел». Из текста статьи, на наш взгляд, следует, что речь идет о разделе земли, так как только при разделе «несправедливость» может быть аннулирована, и один надел может быть заменен другим. Находящиеся в частном владении наделы разделу не подлежат. Кроме того, из высказывания Ф. Энгельса, ясно вытекает, что по жребью участки только распределяются (при разделе), а не отдаются в частную собственность.

Следовательно, первоначально терминами «доля» и «жребий» назывались не участки земли, перешедшие в собственность, а участки, подвергавшиеся разделу. Такое объяснение первоначального значения этих терминов нам кажется более логичным и правомерным. Оно свидетельствует о том, что южнославянская сельская община прошла через стадию периодического передела земли. Позже, когда община находилась на более высокой ступени развития и процесс передела земли был далеко позади, а делимые земельные наделы уже давно стали частной собственностью общинников, данные термины употреблялись для обозначения этих наделов.

Этот вопрос привлек наше внимание потому, что подобные термины встречаются и в более поздних молдавских источниках: в Валахии — термин «делница», а в Молдавии — «жребий», «ждребий». Думается, что эти термины возникли на той же основе, что и упомянутые выше.

Объяснение термину «жребий» из молдавских источников впервые и притом верно дал румынский историк Р. Росетти. Он определяет «жребий» как участок земли, соответствующий одному двору в селе-ватра, т. е. количеству дворов в селе соответствовало одинаковое количество жребий пахотного поля и равные права при пользовании угодиями².

На этом термине останавливает свое внимание и К. Чиходару, правильно определяющий его происхождение, связанное с переделом общинной земли³. Но нельзя согласиться с объяснением этого термина автором, как участков для домов, распределенных путем жеребьевки при образовании нового села⁴. Это мнение опровергается данными грамот. Например, «...место для трех домов с жирябиями в пашне»⁵, «дом... проданный с жирябией»⁶, «место для дома в Антелештах с жирябией в поле»⁷ и др. Иногда жирябиями называются дом или участок для дома с соответствующими ему наделами в поле⁸, но отнюдь не сам дом или участок для дома. Отсюда также вытекает, что термин «жирябия» является отголоском раннего этапа в развитии сельской общины в Молдавии, когда господствовал периодический передел общинной земли.

Дальнейшая борьба противоположных начал (наличие частного владения наряду с коллективной собственностью) внутри общины привела

¹ К. Н. Тарновский. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян «Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 89.

² R. Rosetti. Pămîntul, sătenii și stăpîni în Moldova, t. I, Buc., 1907, p. 89—90.

³ С. С. Чиходару. Указ. соч., стр. 22.

⁴ Там же.

⁵ DIR, Documente privind Istoria Romîniei. V. XVII, A., т. II, стр. 249.

⁶ Там же, А., т. XVIII, т. III, стр. 177.

⁷ Там же, А., т. XVIII, т. V, стр. 228—229.

⁸ DIR, А., у. XVII, т. III, стр. 33; там же, стр. 225.

к отмене периодического передела земли, к постоянному закреплению земельного участка за общинником и передаче его по наследству. В связи с этим Ф. Энгельс указывает, что аграрные товарищества (Gehörferschaften) «находят для себя выгодным превратить переходящие от одного к другому владения в частную собственность»¹. Вследствие этого «Gehörferschaften» отмерли и превратились в обыкновенные села крестьян-собственников с карликовыми наделами и общинным пользованием лесом и пастбищами².

Выше уже отмечалось, что сельская территориальная община состояла не из одного селения, а из целого ряда поселков, входящих в ее границы. К. Чиходару отметил то же явление и в Молдавии³. Об этом свидетельствуют и данные ряда грамот: в грамоте Романа-воеводы от 30 марта 1392 г. Ионашу Витязю жалуются три села Чорсочевцы, Владимировцы и Букуровцы, входящие в один окол с общим хотаром⁴; грамотой от 22 января 1495 г. Стефан III жалует Ласлэу Глобнику целый ряд сел, среди которых... «и на Зелетине Петрешты и у том же хотару село Плэчинтений и Опришештий и Кэрна и Рэкиртишул». Дальше в грамоте указывается: «А хотар тим усим, вышеписанным селам да ест им ут усих сторон по старому хотару, куда из века уживали»⁵. В первом случае община состояла из трех сел, во-втором — из пяти и притом сохранился старый хотар, «куда из века уживали». Не менее интересно в этом отношении указание К. Чиходару, что в долине Некида община «Драгошево поле» состояла из 22 сел⁶.

К Чиходару совершенно прав в том, что поселки внутри сельской общины в отдельности не играли особой роли, что только основное селение — материнское село общины — селение ватрэ олицетворяло общину⁷. Здесь в селении ватрэ собирались народные собрания, производился суд, решались все внутриобщинные вопросы и т. д. В связи с этим заслуживает внимания указание К. Чиходару, что первоначально только общины — ополя имели строго установленные границы, но отнюдь не каждый из поселков, которые входили в состав хотара⁸. Это подтверждается и грамотой Александра Доброго от 11 февраля 1400 г., в которой он дарит Дану Мытнику «место шесть селов в один хотар на имя место Шуринешть, и Мынжешть, и Тодерешть, и Шерботешть, и Лэцкань, и Якобешть, где уживали Яков Слепого...»⁹. К. Чиходару считает, что термин «хотар», объединяющий эти шесть сел, в данном случае обозначал территориальное образование, вернее, территориальную общину, состоящую из шести названных поселков¹⁰. Термин «хотар» К. Чиходару приравнивает к немецкому «магк»¹¹, то есть понимает, как обозначение сельской общины. Следовательно, здесь речь идет о сельской общине, включавшей шесть поселков. Она занимала, как указывает К. Чиходару, всю долину ручья, протекающего около сел Шуринешть, Гергелеу и Сэрботешть, на правом берегу Васлуеца¹².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Марка», Сочинения, т. XVI, стр. 632.

² Там же.

³ С. С. Чиходару. Указ. соч., стр. 17.

⁴ M. Costăchescu. Documentele moldovenesti înainte de Ștefan cel Mare, Iași, 1931, t. I, p. 7—8.

⁵ I. Bogdan. Documentele lui Ștefan cel Mare, Buc., 1913, t. II, p. 59.

⁶ С. С. Чиходару. Указ. соч., стр. 10.

⁷ Там же, стр. 17.

⁸ Там же, стр. 4.

⁹ M. Costăchescu. Documentele..., t. I, стр. 31—32.

¹⁰ С. С. Чиходару. Указ. соч., стр. 6.

¹¹ Там же.

¹² С. С. Чиходару. Указ. соч., стр. 6.

Общность территорий сельской общины, включенных в один хотар, общность интересов общинников, которых она защищала, а также главенствующее значение материнского селения — ватры в общине — все это свидетельствует о том, что сельская община являлась общественно-территориальной единицей, характерной для периода, предшествующего появлению феодального землевладения. Эти общественно-территориальные единицы имели различные наименования: у восточных славян — вервь, мир; у южных славян околина; у поляков — ополье; в Молдавии — хотар, окол, поле. Следовательно, в этот период села как типа сельского поселения еще не существовало.

Вопрос о происхождении села нашел свое отражение в румынской буржуазной историографии. Целый ряд историков (Н. Йорга, К. Джуреску, И. Филитти, Г. Фотино, Р. Росетти, И. Богдан и др.) неоднократно пытались решить вопрос и выдвинули целый ряд положений, которые сводятся, в основном, к одной теории — теории героя-эпонима, первооснователя села. Они доказывали, что село образовалось путем разрастания семьи одного предка — первооснователя Х. Х. Шталь подверг эту теорию серьезной критике, показав всю ее несостоятельность¹. Он указывает, что признание этой теории приводит к ошибочному выводу, что общественное развитие на раннем его этапе должно идти от частной собственности к собственности коллективной², а не наоборот, как это было в действительности. В связи с этим он склоняется к другой заслуживающей внимание гипотезе, согласно которой общинные села представляют поздние формы разложения более обширных организаций племенного порядка³.

Село как новый тип поселения начинает зарождаться вместе с появлением первых предпосылок нового социально-экономического строя — частной собственности и имущественной дифференциации. Появление частной собственности на земельные участки свободных общинников привело к превращению этих наделов в свободно отчуждаемую земельную собственность, то есть в аллоды, а затем к превращению последних в зависимые держания. Конечным результатом этого процесса было превращение членов общины в зависимых крестьян. В связи с этим А. И. Неусыхин указывает, что с тех пор, как аллод — надел члена марки — стал товаром (Энгельс), а «леса, пастбища и пустоши превратились, — говоря словами Маркса, — в общинные придатки частной собственности на этот надел, началось перерождение и разложение общины — марки⁴.

С момента разложения общины началось зарождение села. С переходом земельных наделов в частную собственность свободных общинников, каждый общинник старался завладеть участком, расположенным близ своего поселка. Имущественная дифференциация внутри общины позволяла отдельным лицам приобретать или захватывать участки своих односельчан. Появление в поселках общины зажиточных владельцев, вышедших из среды свободных общинников, привело к заострению внимания последних на своем хозяйстве внутри своего поселка. Это в дальнейшем привело к нарушению единства поселков внутри общины, к ослаблению связей между общинными поселками внутри хотара, к обособлению последних от общины и к образованию нового хотара для бывшего поселка — сельского хотара.

¹ Н. Н. Stahl. Указ. соч., стр. 59—62.

² Н. Н. Stahl, стр. 54.

³ Там же.

⁴ А. И. Неусыхин. Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—X вв. Сб. «Средние века», IV, 1953, стр. 35.

В результате изучения хотаров сельских поселений Х. Шталь приходит к убедительному выводу, что около 80% молдавских сел, упоминаемых в грамотах I половины XV в., существовало уже с готовыми хотарами до зарождения государственности¹. Это первый ранний этап образования села в Молдавии, предшествующий появлению государственности.

Образование села на раннем этапе, связанном с разложением сельской общины, в Молдавии происходило, на наш взгляд, тремя путями.

Первый путь — в результате разложения сельской общины и выхода из ее хотара общинных поселков. В связи с этим кажется не лишним интереса наблюдение К. Чиходару, что в некоторых грамотах встречаются случаи, когда устанавливается хотар всего села с подробным описанием только по одной стороне, а для остальных сторон хотара имеется лишь указание «а от всех сторон по старому хотару, куда из века уживали». И автор делает вполне правомерный вывод о том, что «старым хотаром» именуется хотар сельской общины, т. е. хотар, охватывающий всю группу общинных селений, а новый хотар, который только устанавливается и описывается в документе, отделяет село, попавшее в зависимость от феодала².

Автор подтверждает это положение, опираясь на сведения некоторых грамот. Например, в грамоте от 23 ноября 1499 г. Стефан III дарит Быстрицкому монастырю среди других сел и села Драгомиресть и Талвешть³. О хотарах этих сел говорится: «А хотар Драгомирешем що сут на устие Бырлинского потока ут... става Кырлижанум, да ест уже долув потокум Бырлинским... на Серетя, а ут инших сторун по сторону хотару куда из века уживали. А пак хотар Талвешем ут криници Оничанум (уж) где был Он (ика), що сут пониже Илишевци, да ест по куда хотари пан... и пан Динга питарь и с межияши. А ут ин ших сто рон да ест по старому хотару, куда из века уживали»⁴. Это упоминание старого хотара не единственное. Все подобные сведения показывают, что следы общинных хотаров долгое время сохраняются в сельских хотарах. Это позволяет заключить, что большое количество сел образовалось вследствие разложения сельской общины.

Здесь уместно снова возвратиться к упомянутой выше грамоте Александра Доброго от 11 февраля 1400 г., в которой он жалует Дану Мытнику «место шесть селов в един хотар» Шуринешть Мынжешть, Тодерешть, Шерботешть, Лацкань и Якобешть⁵. Все эти шесть поселков единого хотара-общины вследствие их перехода во владение Дана Мытника становятся феодальными владениями. Общность территории этого хотара нарушается, связи между этими поселками ослабевают; так они становятся хозяйственными единицами феодального хозяйства их владельца. Для каждого поселка в связи с этим установлены уже четко очерченные сельские хотары, охватывающие только земельные участки одного села и здесь господствуют феодальные отношения. Каждый из этих поселков продолжает существовать в дальнейшем уже в качестве отдельного села. Село Шуринешть встречается позже как феодальное владельческое село⁶. Мынжешть упоминается и в 1630 г.⁷ Шерботешть существует до сегодняшнего дня⁸. Лэцкань упоминается в последний раз в 1693 г., затем исчезает; затем исчезают села Тодирешть и Якобешть.

¹ Н. Н. Stahl. Указ. соч., стр. 105—106.

² С. С. Cihodaru. Указ. соч., стр. 8.

³ I. Bogdan. Documentele..., t. II, p. 152—156.

⁴ Там же, стр. 154—155.

⁵ M. Costachescu. Documentele..., t. I, p. 31—32.

⁶ G. Ghibanescu. Surete si izvoade, t. VIII, Iasi, 1944, p. 95.

⁷ M. Costachescu. Documentele..., t. I, p. 34.

⁸ Idem, p. 35.

Второй путь — это путь разрастания нескольких расположенных смежно патронимных поселков и слияние их одно село, с одним хотаром. Это положение можно проследить на примере села Темешешть. Основным первоначальным ядром села Темешешты был кут Петра Тямеша Старого. От него отпочковывается кут его младшего родственника Драгуша Тямеша. Дальнейшее разрастание этих кутов привело к их слиянию в одно село Темешешть с одним хотаром, включавший в себя оба кута даже в том случае, когда ватры этих кутов находились обособленно. Старые куты Петра и Драгуша Тямешей приобрели качественное новое содержание и стали называться уже частями села. Таким же образом из двух кутов-жудечий образовались села Григорешть и Поляна.

Третий путь — путь дальнейшего разрастания патронимных поселков — кутов, их отделения друг от друга и превращения каждого в самостоятельное село. В грамоте Стефана III от 1 февраля 1481 г. упомянуто село на Кобыле «на имя Селивестри, оба куты»¹. Спустя длительное время, в результате дальнейшего развития и увеличения, эти куты села Селивестри становятся двумя самостоятельными селами, именующимися Тиса и Селивестри². То же самое происходит и с кутами села Симничань в области Ботошань, упомянутыми в грамоте от 29 августа 1480 г.³. Впоследствии они также превращаются в самостоятельные села Симнича-Балш и Симнича Миклеску⁴. Второй и третий пути — это пути, когда старый тип поселения при дальнейшем его развитии с изменением социально-экономических условий оформился в самостоятельное село.

Ранний этап образования села является этапом дальнейшего развития типа поселения на основании имеющихся уже общинных поселков. Это развитие представляет качественный скачок из более раннего в более поздний, более развитый тип поселения, соответствующий новым зарождающимся в недрах сельской общины общественным отношениям. Следовательно, село, зародившееся в результате разложения сельской общины, является новой социально-экономической разновидностью поселения, появляющейся с распадом общины и зарождением феодальных отношений, а также господствующей при развитом феодальном строе.

Второй поздний этап образования села в Молдавии тесно связан с вопросом «о пустошах» или «мест от пустыни», как они именуются в источниках.

Определение и истолкование термина «место от пустыни» или «пустошь» дал Х. Шталь. Путем привлечения материала средневековых источников он убедительно доказал, что этот термин имеет несколько значений: опустошенные и разрушенные места и села — селища, места изолированные и удаленные от поселений, участки без владельца, свободные участки, не подвергнутые обработке и т. д.⁵

Селища, т. е. упомянутые Х. Шталем села, разрушенные набегами татар, сожженные, покинутые жителями, но существовавшие когда-то, можно отнести, в основном, к селам, характерным для первого этапа зарождения села.

Нас в данном случае интересуют пустоши, представляющие свободные, незаселенные ранее территории господарского домена, выдаваемые

1 I. Bogdan. Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, p. 248.
2 G. I. Lahovari, C. I. Brătianu, G. G. Tocilescu. Marele dicționar geografic al României, t. V, Buc., 1902, p. 601.
3 I. Bogdan. Op. cit., p. 243—244.
4 G. I. Lahovari... Op. cit., p. 389—390.
5 H. H. Stahl. Указ. соч., т. I, стр. 106—108.

господарем боярам и господарским слугам для оснований новых сел.

Основным критерием определения этого типа пустошей является формула из грамот, которая определяет хотар не межеванием, а территорией, достаточной для одного села: «уживать... сел досыт», «село садити» или с указанием примерного количества домов будущего села.

Этот тип пустошей Х. Шталь делит на две категории. К первой категории он относит пустоши, часть хотара которых в грамотах отмечена по старому хотару, «где из века уживали», видимо, хотара старой общины, а остальная часть — достаточная для села¹.

К этому типу пустошей, жалующихся для основания села, выделенному Х. Шталем, следует отнести также и пустоши, расположенные между уже имеющимся хотарами сел, то есть пустошей, сохранившихся на территории уже заселенной. Например: две пустоши на Куле между селами Боршчиарь и Детелев для основания двух сел²; пустоши между селами Мотосешть и Витезешть для основания села³; пустошь за Быком между Драганом и Пурчел⁴; пустошь на Ботне между Добре и Оале⁵ и др. Внимания заслуживает грамота от 8 декабря 1466 г., в которой подтверждается купля братьями Мойко и Косте «одно место на пустыни на Крълигьтуре межю Попычкани и межю Рускани и межю Гънеши, оу Щубеевы крѣнци... Яко да усадят себе село»⁶. Часть хотара этой пустоши устанавливается заново с подробным указанием межевых знаков «... а ут Гънеши да ест им по старому хотару»⁷. Здесь, видимо, речь идет об оставшейся между хотарами сел свободной, незанятой еще общинной земли.

Вторая категория пустошей, по Х. Шталю, гораздо более многочисленна и определяется хотаром с формулой «достаточно для села»⁸. Например, «три места от пустыни одно на Красной выше Никорешти, другое на Лохане повыше Чеперина места, а третье на Быку у вишний луг... а хотар тем пустыням колко возмогут уживать пять сел досыт» (грамота от 15 июня 1436 г.)⁹; «еще одно пустыню у поток езеров став и летовище и село садити» (грамота от 26 января 1453 г.)¹⁰, пустошь для основания села в 20 домов¹¹ и т. д.

Очень редко, но все же встречаем и случаи купли пустошей для основания села. В грамоте от 10 мая 1574 г. указывается, например, что логофэт Иван Голия приобретает две пустоши: Оксентию между Маловатой и Домокшией и пустошь, выше Старого Орхея, на Реуте. Далее указывается: «Яко да усаде соби тамо две села, почто они соби купили от самому господству ми и дали на осем кони добри и четиристя злат татарских...»¹².

Жалование этих пустошей на свободных, не занятых территориях, относится в основном к XV — первой половине XVI в., особенно ко времени правления Стефана III, Богдана и Петра Рареша. Больше всего сел, начиная с начала XVI в., основывалось на пустошах в Прутско-

1 H. H. Stahl. Указ. соч., стр. 113.

2 DIR, y. XIV—XV, т. I, стр. 130.

3 Там же, стр. 229.

4 Там же, y. XVI, т. I, стр. 135.

5 Там же, стр. 380.

6 I. Bogdan. Documentele..., t. I, p. 114.

7 Там же, стр. 115.

8 H. H. Stahl. Указ. соч., стр. 113.

9 M. Costăchescu. Documentele..., т. I, стр. 449—450.

10 Там же, т. II, стр. 445.

11 A. Sava. Documentele privitoare la Țirgul și Ținutul lui Lăpușnei. Buc., 1937, p. 1.

12 Записки Одесского общества истории древностей, т. III. Одесса; 1853, стр. 253.

Днестровском междуречье на реках Ботна¹, Кагул², Когыльник³, Сарата⁴, на Ялпуге⁵, Ишновце⁶ и др. Во II половине XVI в. жалуются пустоши для основания новых сел в северной и центральной части Прутско-Днестровского междуречья: на Куболте⁷, Кайнаре⁸, Чулуке⁹ в Бельцкой степи¹⁰ и др.

Кроме описанных выше основных путей образования села, следует отметить так же зарождение села вокруг двора феодала.

Вопросу о роли боярских дворов в Молдавии специально посвящена статья румынского историка и археолога Г. Дякону¹¹. Автор, по данным грамот XIV—XVI вв., устанавливает статистику боярских дворов, указывает их местоположение и показывает их роль в военной организации Молдавии в XV—XV вв. Главный и вполне обоснованный вывод автора заключается в том, что дворы-цитадели создавались феодалами, в основном, в междоусобный период, в период наиболее ожесточенных столкновений между отдельными феодальными группировками и ослабления господарской власти¹² (конец XIV — первая половина XV в.).

В эпоху правления Стефана III и Петра Рареша, т. е. в период наибольшей централизации государственной власти, дворы феодалами не сооружаются и их количество резко падает¹³. Дворы упоминаются в текстах грамот под стереотипной формулой «где был двор» или «где двор» такого-то или таких-то. Количество случаев упоминания двора по первой формуле значительно преобладает. Например: грамотой от 14 апреля 1435 г. Стефан III жалует Петру Худичу, помимо других владений, и село «на имя Мындри двор на Серети»¹⁴; 8 июня 1456 г. Петр-Воевод утверждает Сину Хотинскому среди прочих владений и село на имя Шизкоуць, «где был Юрнева двора на Пруте»¹⁵, «Стефан III грамотой от 8 октября 1462 г. жалует боярину Сырбескулу села на Ребриче и среди них село «где был двор Думы Чорьного...»¹⁶ «28 августа 1466 г. Стефан III жалует пану Бенё «село на име, где был двор Крецьви на Ялане»¹⁷, и т. д. Отсюда вытекает, что эти села создавались феодалами вокруг боярского двора-цитадели с тем, чтобы, как отмечает Г. Дякону, легче собрать свою военную дружину и зависимое крестьянство из своих владений для отражения противника¹⁸.

Села, основанные вокруг этих цитаделей военного значения, продолжали существовать и после разрушения последних. Разрушение цитаделей было результатом сражения или господарского приказа¹⁹. Эти

¹ M. Costăchescu. Documentele moldovenești de la Ștefan cel Mare. Iași, 1933. p. 186—187.

² DIR, v. XVI, т. I, стр. 28.

³ Там же, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 34.

⁵ Там же, стр. 239.

⁶ Там же, стр. 10.

⁷ Там же, т. II, стр. 218.

⁸ Там же.

⁹ Там же, т. III, стр. 322.

¹⁰ Там же, стр. 412.

¹¹ Gh. Diaconu. Despre rolul curtilor boieresti în organizarea militară a Moldovei în veacurile XIV—XV, „Studii și referate privind Istoria României”, p. I, Buc., 1954. p. 551—571.

¹² Там же, стр. 562—564.

¹³ Gh. Diaconu. Despre rolul..., p. 566, 569—570.

¹⁴ M. Costăchescu. Documentele..., t. I, p. 403.

¹⁵ Там же, т. II, стр. 577.

¹⁶ I. Bogdan. Documentele..., t. I, p. 64—65.

¹⁷ I. Bogdan. Op. cit., p. 110.

¹⁸ Gh. Diaconu. Указ. произв., стр. 556.

¹⁹ Там же.

села, связанные с наличием феодальных дворов, встречаем в документах после их исчезновения. О них осталось только упоминание, что они когда-то были.

Таким образом, в процессе образования сел на территории Молдавии прослежены два этапа: 1) ранний этап, когда села появляются на основе общинных селений в связи с разложением общины и зарождением феодальных отношений; 2) поздний этап, когда села создаются феодалами на пустошах или вокруг боярских дворов.

СООБЩЕНИЯ

В. С. ЗЕЛЕНЧУК, Л. Д. ЛОСКУТОВА

СОВРЕМЕННЫЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ РЫБНИЦКОГО РАЙОНА
МОЛДАВСКОЙ ССР

Народный костюм, как и вся материальная культура, отражает не только национальную специфику данного народа, но и его культурные взаимовлияния с другими народами. С этой точки зрения представляет интерес своеобразная одежда ряда сел Рыбницкого района Молдавии и соседних сел Украины. Здесь мы находим одежду, отличную от общераспространенного традиционного молдавского и украинского костюмов. Наряду с этим сохраняется и другая особенность — стойкое сохранение местного типа одежды на протяжении длительного времени.

Статья написана на основании полевых этнографических материалов, собранных в 1957, 1959, 1964 гг. в селах Подойма, Подоймица, Валя Адынкэ, Севериновка, Хрустовая, поселке Каменка Рыбницкого района, а также в селах Баштанков, Загнитков, Студеная Винницкой области УССР.

Центром ареала распространения данного типа одежды следует считать села Подойма и Подоймица, расположенные вдоль левого берега Днестра. В настоящее время эти села так разрослись, что границы между ними не существует: конец одного села является началом другого. Нет также отличий в хозяйственном и бытовом укладе жителей этих сел. Возможно, что, зародившись здесь, этот своеобразный тип одежды распространился впоследствии в соседних селах¹.

В процессе развития «подоймицкая» народная одежда утратила в основном свои характерные особенности в части мужского костюма. Более полно они сохранились в женской одежде.

В настоящее время мужское население данного района пользуется фабричной одеждой. Реконструкция старинного мужского народного костюма, на основании устной информации и находок сохранившихся частей костюма, дает возможность судить о следующем.

Мужчины носили навывпуск рубаху, перехваченную поясом. Такие рубахи и в настоящее время можно встретить у мужчин старшего поколения (рис. 1). Праздничные рубахи шили из холста, вытканного в две нитки. Покрой такой рубахи — туникообразный со стоячим воротником, на груди вышивка в виде широкого прямоугольника. Вертикально ориентированный рисунок состоит из перекрещивающихся линий, образующих косые кресты и ромбы («манишкэ ку пуй»)². Таким же рисунком вышиты воротник и манжеты рукавов. Рубахи с таким орнаментом называются «кэмешэ ку пуй кусуць» (рис. 2). Этим же термином обозначается и другой орнаментальный мотив на мужских рубахах — расти-

¹ Поскольку описываемый народный тип одежды более полно представлен в селах Подойма и Подоймица, в дальнейшем для краткости он будет называться условно «подоймицкий».

² Термином «пуй» обычно обозначается орнамент растительного характера, изображающий ветки, цветы.

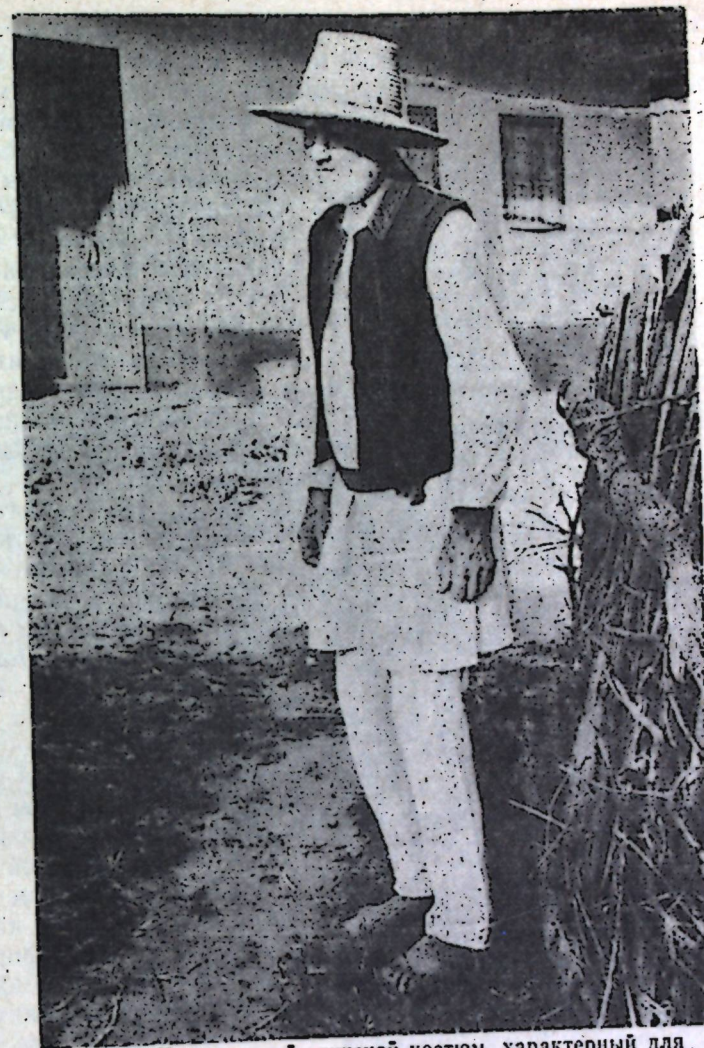

Рис. 1. Крестьянский мужской костюм, характерный для конца XIX в.

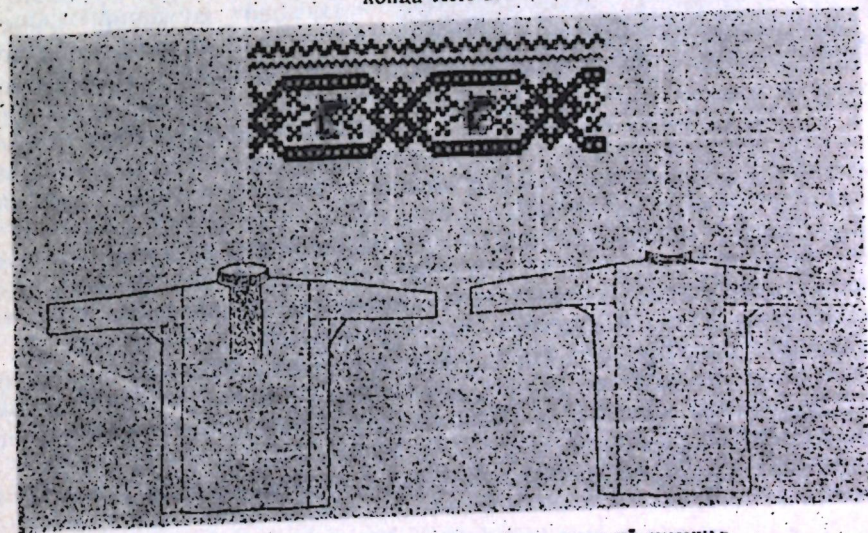

Рис. 2. Мужская рубаха — «кэмешэ ку пуй кусуць».

тельный, изображающий крупные цветы. В целом можно отметить, что как манера расположения орнамента, так и характер его элементов очень напоминают орнамент на украинских мужских рубашках.

Рис. 3. Колхозница из поселка Каменка в праздничном костюме.

Будничной мужской рубашкой являлись обычного покроя кошоворотки с разрезом на груди на левую сторону. Рубахи-кошоворотки, которые носят заправляя в брюки, распространены в настоящее время. Рубашку навыпуск, перехваченную поясом, можно встретить только у стариков и то редко. В летнее время мужчины носили белые полотняные штаны — измене.

В селах Рыбницкого района и сейчас можно найти распространенные в прошлом пояса. Молодые парни носили широкие (до 25 см) и длинные (до 2,5 м) красные шерстяные пояса с бахромой. Встречались пояса и зеленого цвета. Сейчас они вышли из употребления.

Головным убором служили самодельные соломенные шляпы и барашковые шапки. Шляпы плели из пшеничной соломы.

Они имели широкие поля и ленту на тулье. И по названию («капелюх»), и по форме они украинские. В зимнее время носили барашковую шапку «кушмэ». В последние годы в селах распространились кубанки.

Зимней мужской одеждой в прошлом являлось пальто из домотканины, называвшееся «сукман» и «берневичь» (зимние штаны из плотной домотканины коричневого или темно-

серого цвета). Богатые крестьяне носили нагольные тулупы с высоким стоячим воротником («кожок»).

Обувью в холодное время года и мужчинам и женщинам служили самодельные «опинчъ» из свиной или коровьей кожи. Летом обычно ходили босыми. Зажиточные крестьяне носили покупные сапоги «чоботе». Заканчивая описание мужского костюма первых десятилетий XX в., следует отметить заметные черты украинского влияния. Как мы увидим в дальнейшем, подобные явления наблюдаются и в женском костюме.

В современной женской одежде, как будничной, так и праздничной, можно выделить два типа:

- 1) одежда, сохранившая древний покрое и характерная преобладанием темных цветов;
- 2) одежда светлых тонов, в покрое которой много современных черт.

Наибольший интерес представляет одежда первого типа. Ее основу обычно составляет белая орнаментированная рубашка, поверх которой надевается сарафан и кофта темных цветов. Обязательными атрибутами этого комплекса одежды являются бусы, уложенные на груди в несколько рядов, и многоцветный пояс (рис. 3).

Преобладающими типами покроя рубах были: рубашка с цельнокроенным рукавом и рубашка на кокетке. Как это вытекает из рассказов местных жителей, в прошлом более распространенной являлась рубашка с цельнокроенным рукавом, носящая местное название «кэмешэ ку ынкрецитурь ла гыт» (рубашка со сборками у ворота). О древности этого покроя свидетельствует и другое название этой рубашки — «кэмешэ бэтрыняскэ».

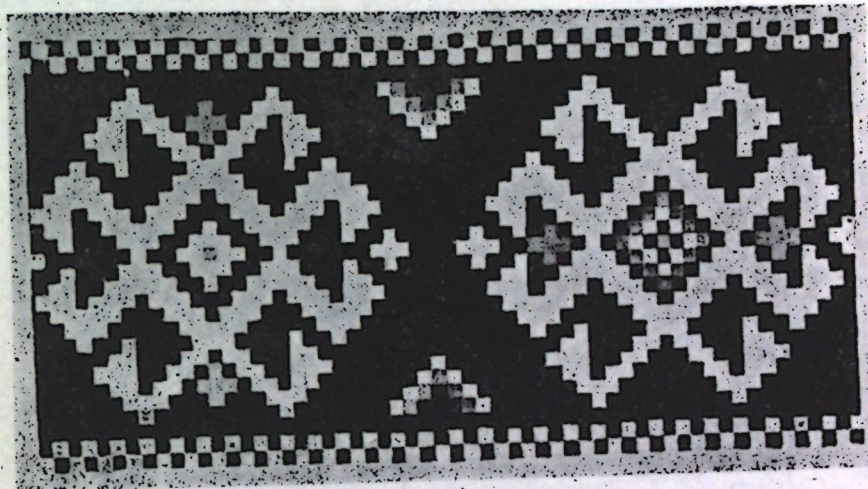

Рис. 4. Фрагмент вышивки на женской рубашке.

В настоящее же время такие рубашки встречаются редко; они, как правило, служат праздничной одеждой. Крой этих рубах не отличается от общераспространенных, как в Молдавии, так и в ряде районов Украины и Румынии, рубах с цельнокроенным рукавом. Воротник рубахи стоячий, состоявший из узкой ориентированной полоски. Верхняя часть кофточки (спина, грудь, плечи) у воротника присобрана и в том случае, когда ворот стягивается завязкой, и тогда, когда рубашка имеет стоячий воротник.

Характерным является орнамент. В целом, орнаменту рубах присущ геометрический рисунок с преобладанием красного, зеленого и черного цветов (рис. 4). Для рубах с цельнокроенным рукавом характерным приемом расположения орнамента является плечевая вставка, на которой имеется вышивка. В рисунке плечевой вставки геометрический орнамент иногда сочетается с растительным. Растительный мотив чаще всего состоит из изображения цветов, листьев, виноградных лоз. Иногда его выполняют, используя цветной бисер. Распространенный орнамент растительного характера, вышитый бисером, называется «пуй ку мерзеле».

На женских рубашках встречается и более сложный композиционный прием, когда орнамент состоит из двух частей, одна из которых геометрического характера, другая — растительного (рис. 5). В нем как бы соединились два типа вышивки: молдавский и украинский. Верхняя часть вышивки, представляющая прямоугольник с геометрическим ри-

сунком светло-коричневого цвета, носит молдавский характер. Нижняя же часть рисунка, изображающая в несколько стилизованном виде розы и листья, выполнена в черных, красных и зеленых тонах. Аналогию для этой части орнамента можно найти в вышивках на украинских костюмах Стрыйского района Станиславской области¹.

Смешанный молдавско-украинский орнамент является одним из проявлений взаимовлияний молдавской и украинской культуры, столь характерных для описываемых сел, как, впрочем, и для других районов Поднепровья.

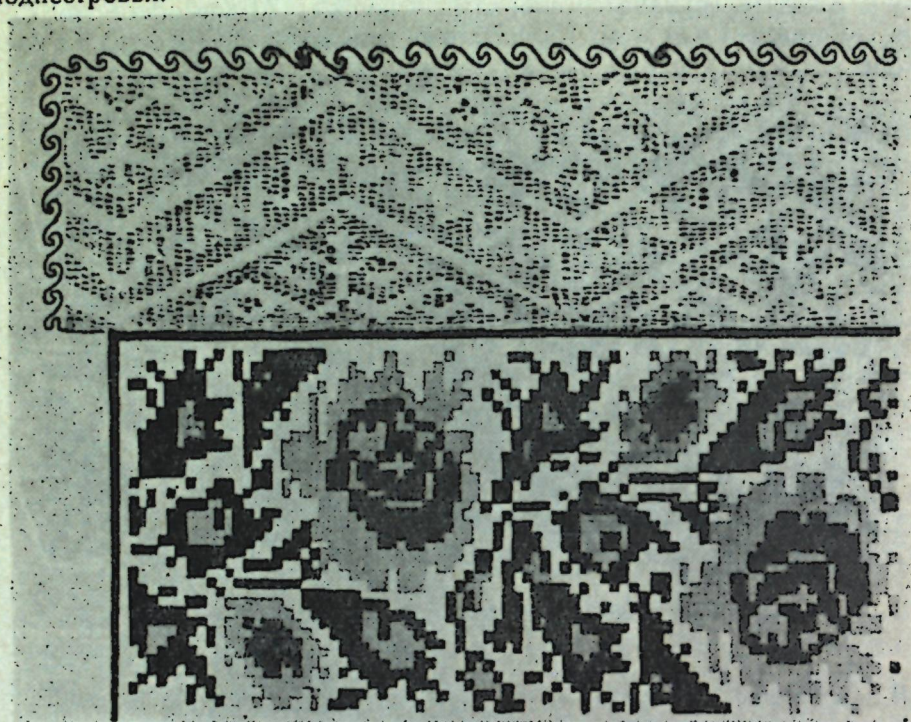

Рис. 5. Орнамент плечевой вставки рубахи типа «кэмешэ бэтрыняскэ».

Если на будничных рубахах орнамент представляет собой неширокие полосы на плечах, то праздничные рубахи орнаментированы более обильно: вышивка покрывает не только плечи, но и рукава (чаще всего в виде розеток и звездочек) и грудь. В Подойме и Подоймице очень распространены праздничные рубахи с орнаментом в виде розеток, расположенном на плечах и рукавах («кэмешэ ку стеле») (рис. 6). Такой орнамент характерен для женских рубах, бытовавших в к. XIX — н. XX вв. в Подольи на Украине². Рубахи этого типа имеют стоячий воротник. Особенностью этих рубах является собранный у кисти широкий рукав с расширяющимся манжетом. Эти рубахи, в отличие от других, называются «кэмешэ ку минкет». Крой рукава этих рубах очень близок к покрою рубах закарпатских румын.

Вторым типом рубах, более распространенным в настоящее время, является рубаха на кокетке. В отличие от других районов, где рубаха на кокетке называется «ку петик» или «ку платкэ», в описываемом районе для таких рубах существует наименование «кэмешэ ку десткэ» (рис. 7). Праздничные рубахи на кокетке украшаются орнаментом. На

¹ См. Ф. Волков. Этнографичні корні Угорської Русі. СПб., 1910, стор. 424.

² См. С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 73.

будничных — вышивка в виде неширокой полосы, обрамляющая кокетку с четырех сторон. Эта манера расположения орнамента напоминает аналогичный прием орнаментирования женских рубах в Румынской области Цара Оашулуй¹.

В будни, в теплую летнюю погоду рубаху носят с юбкой, в холодное время года — с рабочим сарафаном. В праздничные дни поверх рубахи надевают праздничный сарафан.

Наиболее своеобразной и характерной для данных сел частью женской одежды является сарафан («шарафан»). Сарафан является одеждой всех возрастов — его носят замужние женщины, девушки и дети. Сарафан шьют из покупной плотной ткани темных тонов (диагональ, саржа, кашемир).

Праздничные сарафаны шьются из более дорогой шерстяной ткани. На изготовление одного сарафана идет до 7 м ткани. Верхняя часть сарафана («стан») плотно облегает талию, имеет шейный вырез с разрезом впереди, продолжающимся ниже пояса. Ткань в верхней части «стана» присборена в мелкие складки и простроена швами. Этот прием украшения платья называется «пеля гэнней» — куриная кожа, в украинских селах — «брежчики». На спине сарафана пришиты синие ленты, образующие несложный узор в виде полукругов и угла («рэскроель», «гоглицэ»). На уровне пояса имеется продернутая завязка. Нижняя часть сарафана («поале») представляет расклешенную длинную юбку со сборками сзади. На полах юбки обычно нашивали бархатные ленты («ушуник»). Прежде количество лент имело смысловое значение. Существовал обычай, по которому девушка на выданьи нашивала на свой сарафан три ленты, в то время как девушки-подростки носили сарафан с одной или двумя лентами.

Сарафан подпоясывают красным поясом из покупного сатина шириной 15—20 см («брыу маре»). Поверх пояса повязывают несколько синих лент. В ношении пояса еще соблюдаются возрастные отличия. Широкий пояс является принадлежностью девушек, женщины же носят узкий шерстяной пояс, вытканый на станке («брыу де лыне ынгуст»). Сарафан подпоясывают таким образом, чтобы подол его спереди был приподнят и видны кружева нижней юбки («споднэ»), которую надевают под сарафан².

¹ См. Т. Bănăţeanu. Portul popular din Ţara Oaşului (рис. 13). Editura de Stat pentru literatură şi artă.

² Термин «споднэ» явно украинского происхождения. Манера носить юбку, чтобы видны кружева нижней юбки, распространена в Черновицкой и Закарпатской областях УССР. По сообщениям местных жителей, нижние юбки «споднэ» стали носить с н. 50-х гг. XX в.

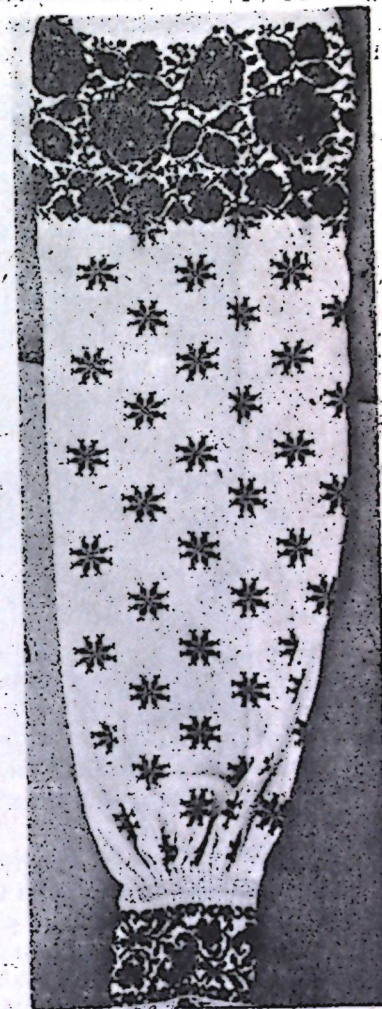

Рис. 6. Рукав рубахи типа «кэмешэ ку стеле».

В прошлом существовал и другой вид сарафана, называвшийся украинским термином «запаскэ». Для «запаскэ» характерным являлось то, что верхняя и нижняя ее часть отличались друг от друга не только цветом, но и качеством материала (верхняя часть из покупного материала, нижняя — из домотканного)¹. Сарафан типа «запаскэ» уже вышел из употребления.

В целом для молдавского национального костюма черный сарафан не характерен, но хорошо известен как составная часть народного болгарского и гагаузского костюмов.

Рис. 7. Рубаха на кокетке «кэмешэ ку десткэ».

Кроме описанных сел, в настоящее время аналогичный сарафан бытует в молдавском селе Джурджулешты Вулканештского района, но раньше, видимо, он имелся и в ряде других сел этого района. В Джурджулештах такой сарафан называется «фустэ ку жюбя» и носит еще более архаичные черты, чем каменский. Если каменские сарафаны шьются из покупной ткани, то в Джурджулештах их изготавливают из домотканного материала черного цвета (рис. 8).

Сарафан у джурджулештских молдаван является несомненным заимствованием из одежды болгар и гагаузов, в costume которых имеется черный сарафан. Со времен переселения болгар и гагаузов в южные районы Бессарабии (первые переселения из-за Дуная начались с середины XVIII в.) молдаване южных припрутских сел длительное время находились в контакте с переселенцами. Переселенцы-болгары (этим словом до середины XIX в. называли не только болгар, но и гагаузов) жили и в селе Джурджулешты². В процессе дальнейшего переселения болгары

¹ По аналогии можно отметить, что в болгарском сарафане, называвшемся «фустан», верхняя и нижняя части также пошиты из различных тканей, иногда отличающихся и по цвету. См. Мария Велева, Котленската носия през XIX и първата половина на XX век. (Известия на етнографския институт с музей, кн. II. София, 1955, стр. 21—22).

² А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I, Одесса, 1850, стр. 247.

продвигались на север, расселяясь в селах нынешнего Тираспольского района. Что же касается района Рыбницы, то продвижение болгар и гагаузов на север так далеко не заходило. Но нам известны другие факты: русская администрация, стараясь заселить пустовавшие земли поднепровья, переселяло сюда молдаван из сел южного попрутья.

В ряде документов, относящихся к 1791 г., упоминается о переселении молдавских крестьян из сел Рени и Валены Вулканештского района в район Дубоссар¹. Не исключена возможность, что молдаване южных районов переселялись на земли в районе реки Каменка и сел Подойма и Подойница, которые к тому времени уже существовали². Таким образом, можно предположить, что сарафаны занесены в села Рыбницкого района с юга, из болгарских и молдавских сел современного Кагульского, Вулканештского районов и Измаильской области, где они бытуют и в настоящее время.

Рис. 8.

1 — Сарафан Рыбницкого р-на. 2 — Сарафан типа «запаскэ» Рыбницкого р-на. 3 — Сарафан из Вулканештского р-на. 4 — Болгарский сарафан с. Кричиное, Одесской области, УССР.

Другой частью одежды праздничного комплекса была кофта («кофтэ-ын доуэ рындурь»), которую шьют обычно из того же материала, что и сарафан.

Хотя распашные кофты широко распространены в различных районах Молдавии, украшения кофты «ын доуэ рындурь» — нашивные бархатные ленты — сближают ее с болгарскими и гагаузскими женскими кофтами.

Праздничный комплекс с сарафаном включает в себя нагрудное украшение из бус и ожерельев. Для Подоймы и Подойницы характерным является нагрудное украшение, состоящее из большого числа (до 20 рядов) бус, ожерельев и монет. Все это украшение повязывается на шею при помощи одной завязки. Украшения подобного характера известны у гагаузов и болгар южных районов Молдавии, а также у украинцев и молдаван Западной Украины.

Вышеописанные части одежды составляют для женщины праздничный комплект. Летом в будничные дни обычной одеждой является рубаха на кокетке, реже ситцевая кофточка с длинным рукавом и темная многоклинная юбка. Будничные рубахи также бывают украшены орнаментом в виде узкой полоски.

Колоритна в описываемых селах обрядовая одежда. Костюм невесты состоит из белой орнаментированной рубахи — «кэмешэ ку стеле»

¹ М. В. Сергиевский. Молдаво-славянские этюды. М., 1959, стр. 115.

² Подойница обозначена на карте 1769—1774 гг. — Подойница (см. М. В. Сергиевский. Указ. раб., стр. 209). Село Подойма, видимо, существовало еще раньше.

или «кэмешэ ку минкет», черного сарафана с широким красным поясом. На голову одевают «венку ку флорь» — специальный высокий убор, состоящий из бумажных цветов. На затылке к венку прикрепляют ленты.

Еще более нарядна свадебная одежда посаженных родителей. Поверх праздничной одежды они прикрепляют на голову, плечи, грудь и спину небольшие покрывала («нефрэмице») с яркими вышитыми узорами (рис. 9).

Таким образом, народная «подоймицкая» одежда, претерпев определенную эволюцию, сохранила до настоящего времени национальный колорит. В большей степени это относится к женскому костюму. Своеобразие «подоймицкой» народной одежды состоит в том, что в ней отчетливо прослеживается влияние культуры соседних народов. Это

Рис. 9. «Посаженные родители» на свадьбе в обрядовой одежде. (с. Подойма, 1959 г.).

позволяет говорить о смешанном этническом составе населения данного района в прошлом. К настоящему времени, в результате многолетней ассимиляции, почти все население села составляют молдаване. Наряду с этим в речи жителей села имеется много украинских слов и выражений. В рассматриваемой области материальной культуры это взаимовлияние отразилось, в частности, в покрое, орнаментации и терминологии одежды.

Вместе с тем в некоторых частях одежды прослеживается болгарское и гагаузское влияние. Манера шить верхнюю и нижнюю части «запаски» из разных частей сближает костюм с болгарским сарафаном «фустан». Покрой другого типа «подоймицкого» сарафана близок к гагаузскому сарафану.

Сочетание разноэтничных компонентов одежды и их дальнейшее развитие на основе молдавского народного костюма привели к созданию своеобразной одежды, бытующей в некоторой степени и в настоящее время. Сохранение устойчивой традиции народной одежды в исследуемом районе обусловлено тем, что процесс складывания этого характерного костюма происходил относительно поздно по сравнению с формированием общераспространенных типов молдавской народной одежды, и в связи с этим вновь созданная традиция еще не полностью утеряна.

Н. А. КЕТРАРУ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЧУТУЛЕШТЫ-I

(по раскопкам 1961—1962 гг.)

Палеолитическая стоянка Чутулешты-I была открыта В. И. Маркевичем в 1958 г. Она находится в 3 км восточнее одноименного села Флорештского района на правом берегу реки Реут, напротив водяной мельницы.

Терраса, на которой расположена стоянка, постепенно разрушается водами реки. Сохранившаяся часть представляет собой довольно ровную площадку, несколько наклонную к востоку, перерезанную действующими оврагами. Ее верхняя часть находится на высоте 5—6 м от современного уровня реки, которая в настоящее время протекает на глубине 46 м от верха плато.

Исследования были начаты в 1960 г. сбором кремневого материала на поверхности, закладкой одного шурфа и зачисткой берега, подтвердившие наши предположения о наличии в этом месте стоянки с сохранившимся культурным слоем. Открытые палеолитические стоянки с хорошо сохранившимся культурным слоем редко встречаются на территории Молдавии; большинство памятников, особенно в долине реки Реут, представляют собой только пункты, на поверхности которых собраны десятки, иногда сотни кремневых предметов, с очень малым числом орудий и совсем без фауны¹.

В 1961—1962 гг. на стоянке проводились археологические раскопки. Были заложены четыре раскопа общей площадью 245 м², все вдоль берега реки: первый и третий — в южной, второй — в северной части стоянки, четвертый — посредине.

В процессе раскопок была вскрыта толща отложений террасы, состоящая из следующих слоев по северной стенке раскопа III (рис. 1):

	глубина от поверхности, в см
1. Дерн	0—10
2. Чернозем, смытый с плато	10—42
3. Делювий темно-серого цвета — суглинок, перемешанный с черноземом. В нижней части слоя залегает прослойка известняковых камней	48—82
4. Суглинок темно-желтого цвета, рыхлый, с прослойкой известняковых камней в верхней части	82—178
5. Ископаемая почва, в отдельных местах перерезанная кротовинами	178—273
6. Суглинок темно-желтый, плотный, постепенно переходящий в супесь. В слое много крупных известняковых камней	273—320

¹А. П. Черныш. Некоторые итоги исследований палеолита Поднестровья (1946—1957 гг.). Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной республики. Кишинев, 1960; Н. А. Кетрару. Первоначальное заселение долины р. Реут. Труды III конференции молодых ученых Молдавии, вып. III. Кишинев, 1963.

Культурный слой, прослеживающийся на всей раскопанной площади, залегает в нижней части слоя ископаемой почвы и имеет небольшой уклон к коренному берегу — сторону, обратную от реки. Его мощность 20—35 см.

На исследуемой площади найдены отдельные скопления кремневых предметов, следы кострищ-очагов, кости животных, раковины, кусочки древесного угля и краски.

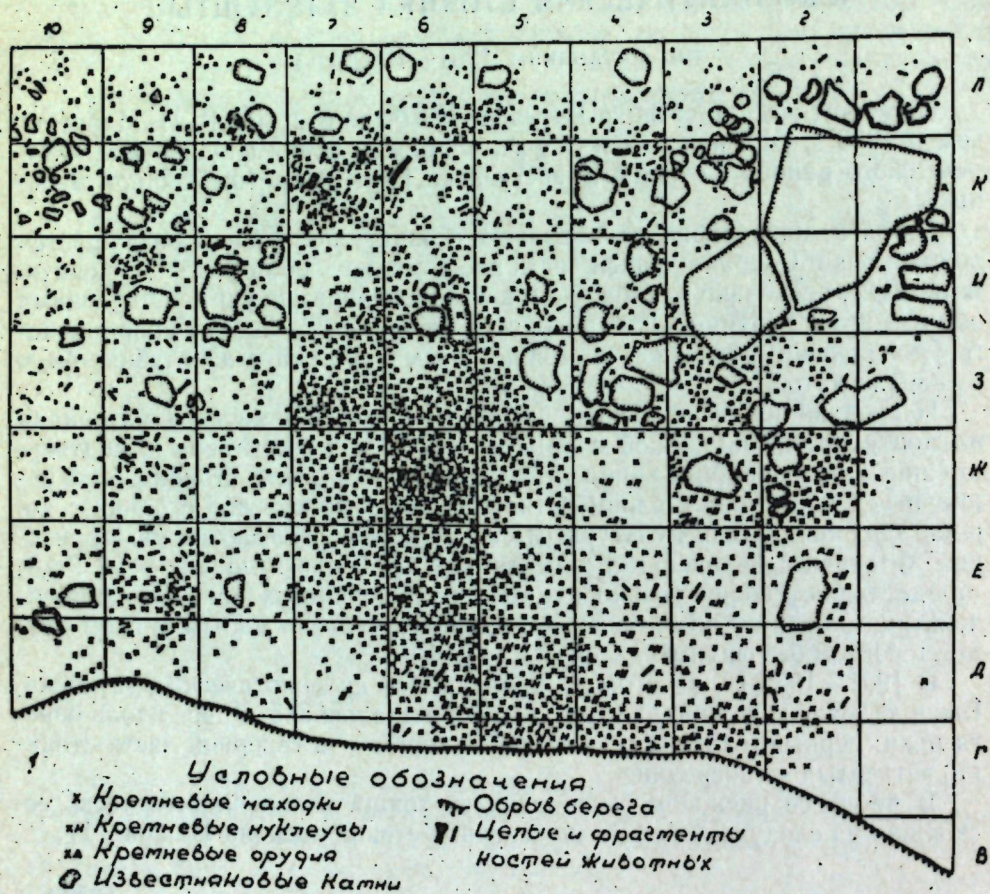

Рис. 1. Раскоп II. План.

Многочисленные кремневые предметы, в основном отбросы производства (отщепы, осколки, нуклеусы и просто куски кремня, некоторые со следами скалывания отщепов и пластин), встречаются на всей исследуемой площади, однако наибольший интерес представляют отдельные скопления кремневого материала.

Так, одно из таких скоплений выявлено во втором раскопе, в северной части стоянки. Оно имеет форму овала, вытянутого в направлении ЮЗ — СВ и охватывает квадраты 5—7 ИЕ, 4—7 Д, 2—6 Г. Наибольшее количество предметов, более 2000 экземпляров, дал квадрат 6 Ж. Часть скопления уничтожена в процессе разрушения берега водами реки. Возле этого скопления, в северо-западном углу раскопа, находятся несколько

известняковых глыб, которые могли служить частью какой-то конструкции, возведенной над местом, где обитатели стоянки производили расщепление кремня. Небольшие известняковые камни разбросаны по всему раскопу, особенно много их в его северо-западной и юго-западной частях.

Другое скопление, большее по площади, но менее насыщенное кремневыми предметами; обнаружено в раскопах I и III. Это скопление мы не могли исследовать полностью, так как западный край его уходит в стенки раскопов, а восточный уничтожен в процессе разрушения берега водами реки.

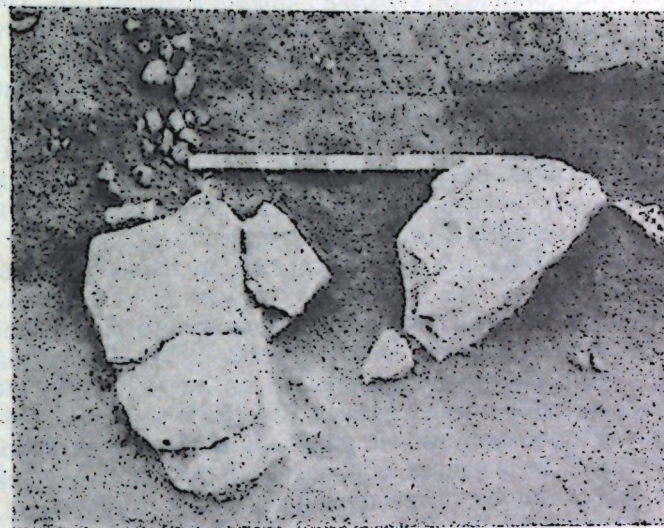

Рис. 2. Очаг в раскопе I.

Сохранившаяся часть скопления имеет почти прямоугольную форму и охватывает квадраты 1—4 Ж, 1—5 ЕБ, 1—4 А третьего раскопа, весь участок I и кв. кв. I ЕД, 1—2 Г, 1—3 В, 1—2 БАА'Б' первого раскопа. Наибольшая концентрация кремней в раскопе III наблюдается на кв. кв. 1—2 Ж, 3 Д, 1 Г, 2—3 Б, на участке I в кв. Б, а в раскопе I на кв. кв. 1—2 ГВ. В этом скоплении часто встречаются кости животных. В части скопления, которая входит в III раскоп, исследованы два кострища; третий очаг-кострище находится в раскопе I и примыкает к скоплению с южной стороны.

Третье скопление кремневого материала прослежено в юго-восточной части раскопа I (кв. кв. 3—8 А'—Б); большая часть его разрушена. В этом скоплении находится одно кострище, которое дало значительное количество обожженных кремней.

Незначительное скопление кремней, примыкающее к третьему очагу в раскопе I, прослежено в кв. 8 Г.

Большие скопления кремневого материала на отдельных участках раскопанной площади стоянки Чутулешты-I, по-видимому, следует рассматривать как места, где производилось расщепление кремня и изготовление орудий. Об этом свидетельствует прежде всего наличие большого количества отщепов в виде отщепов, осколков, резцовых сколов, кусков кремня, большие кремневые желваки, а также многочисленные нуклеусы, пластины и отдельные орудия, находящиеся в различных ста-

дних изготовления. Можно предположить и то, что в этих местах были сооружены какие-либо укрытия в виде шалашей или навесов, в конструкцию которых входили известняковые камни. Других следов сооружений не обнаружено.

Судя по наличию остатков кострищ и несложных очагов, сооруженных из известняковых камней вблизи или в местах скопления кремневых предметов, здесь обитатели стоянки не только изготавливали орудия, но и жили постоянно. Следует отметить, что кострища и очаги обнаружены и связаны только со скоплениями первого и третьего раскопов, которые, очевидно, служили местом расщепления кремня в холодное время года.

На раскопанной площади стоянки обнаружены следы 10 очагов, семь из которых представляют собой остатки простых кострищ в виде неглубоких чашеобразных лунок овальной формы (приблизительно 170×120 см), заполненных толстым слоем (до 15—22 см) темной зольной массы, среди которой встречаются кусочки древесного угля, реже — пережженные кости и кремни. Одно такое кострище в раскопе I примыкает к большому камню, на одной из сторон которого заметны следы действия огня. Все эти кострища относятся к типу простых и ничем не отличаются от тех, которые были прослежены на целом ряде верхнепалеолитических памятников в Поднестровье¹, на Дону², Десне³, в Румынии⁴ и других местах.

В значительной мере отличаются от вышеописанных три очага.

Первый находится в раскопе I на кв. кв. 3—4 ГЕ. Очажная лунка имеет чашеобразную форму неправильного овала (220×100 см) и небольшую глубину — 5—7 см по краям и 12—15 см в центре. Он сложен из плитчатых известняковых камней, расположенных двумя небольшими группами в С—З и Ю—З частях обожженного пятна. В первой группе четыре камня: один, сильно потрескавшийся, даже с изломами, лежал плашмя, три — вертикально. Возле этих камней, вне границ очага, в кв. кв. 2 ДЕ находятся еще три камня, очевидно имеющие какое-то отношение к нему. Столько же камней в другой группе: один камень большой, три маленьких, все лежат плашмя. Все камни, входящие в очажное пятно, сильно обожжены, особенно те их части, которые обращены вовнутрь. Под камнями грунт не обожжен и свидетельствует о том, что очаг был сложен до того, как в этом месте был зажжен огонь.

Другой очаг прослежен в этом же раскопе на кв. кв. 6—8 ВД. Обожженное пятно грунта овальной формы (250×163 см) заключено между тремя большими известняковыми камнями, лежащими плашмя — два с восточной, один — с западной стороны. Три небольших камня лежат плашмя в центре очага.

Третий очаг находится в раскопе III на кв. кв. 7—9 ЕЖ. Он имеет округлую чашеобразную форму (150×127 см) и углублен на 14—16 см. В границах очажного углубления обнаружены 13 довольно плоских известняковых камней, расположенных по окружности, несколько отступая от края. Особенный интерес представляет конструкция из камней в северной части углубления, составляющих собственно очаг. Они несколько больших размеров и расположены в виде подковы. Эти камни обожжены сильнее других, поэтому можно предположить, что огонь концентрировался в основном в этой части очага. Под камнями грунт также

не обожжен. Вне границ очага и в самом очаге найдены только единичные кальцинированные кости животных и кремни. Как и в других очагах и кострищах, чаще всего встречались небольшие кусочки древесного угля.

Описанные очаги стоянки Чутулешты-I с конструкцией, хотя и простой, состоящей из известняковых камней и плит, представляют большой интерес для изучения верхнепалеолитических памятников, особенно тех, в процессе исследования которых выявлены различные бытовые комплексы и следы постоянных жилищ. Следует только отметить, что аналогичные сооружения нам почти неизвестны ни в Поднестровье, ни на территории близлежащих районов. Очаги, близко напоминающие наши, были встречены только в Румынии. Это выкладки из каменных плит в очагах стоянки Малул Рошу и углубленный очаг, также с каменной выкладкой, стоянки Четэцика на Биказе; оба памятника датируются авторами начальным периодом верхнего палеолита — ориньяком¹.

Наибольший интерес представляют находки кремневых изделий, происходящих из культурного слоя стоянки. Количественно они достигают огромной цифры — более 25 000 экземпляров; большинство происходит из вышеописанных скоплений, которые, по-видимому, долгое время являлись местами выделки орудий.

Сырьевым материалом для изготовления орудий служил меловой кремень серого цвета, в большом количестве встречающийся в долине реки Реут. Этот кремень в виде больших желваков выступает на поверхности в пойме реки в различных местах и даже в непосредственной близости от стоянки. Именно такие желваки приносились на стоянку и были встречены нами в скоплениях и в культурном слое.

Процесс производства, очевидно, начинался с разбивания желвака, скалывания с него отрезков, затем приготовления ударных площадок и обкалывания корки. А так как поверхность желваков неровная — бугристая, с многочисленными отрезками и углублениями, то в процессе приготовления нуклеуса получались в большом количестве краевые отщепы и осколки, которые вместе с другими отщепами и осколками значительно увеличивают число отбросов производства до 20 000 экземпляров. Прибавим сюда более 200 кусков кремня без каких-либо следов обработки, около 100 резцовых сколов и около 300 сколов оживления ударных площадок нуклеусов.

Другие кремневые изделия состоят из 587 нуклеусов, 3460 пластин, 57 резцов, 40 скребков, восьми острых, трех рубящих орудий, одного скребловидного и нескольких экземпляров неясного назначения.

Нуклеусы по форме относятся к неправильно призматическим, единичные экземпляры имеют форму диска, шара, куба, конуса. Средняя

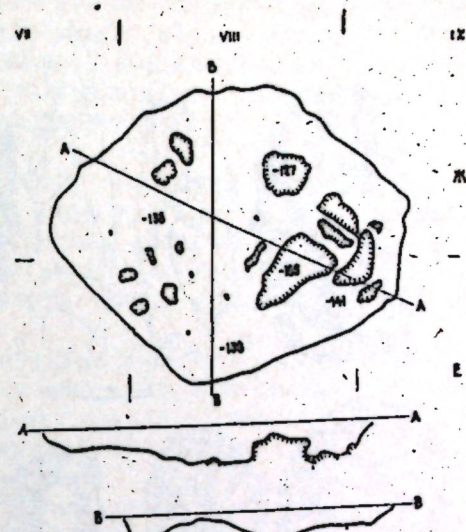

Рис. 3. Очаг № 5 в раскопе III.

¹ А. П. Черныш. Поздний палеолит Среднего Приднестровья. ТКИЧП, XV, М., 1959.

² П. П. Ефименко. Костенки I. М.-Л., 1958, стр. 59—60, 122—124 и др.

³ М. В. Воеводский. Палеолитическая стоянка Рабочий ров. «Ученые записки МГУ», вып. 158, М., 1952, стр. 105—106.

⁴ М. Bitiri. Vetrele paleolitice in Romînia. SCIV, № 1. Buc., 1961, pp. 10—11.

¹ М. Bitiri. Vetrele paleolitice in Romînia..., pp. 12—13.

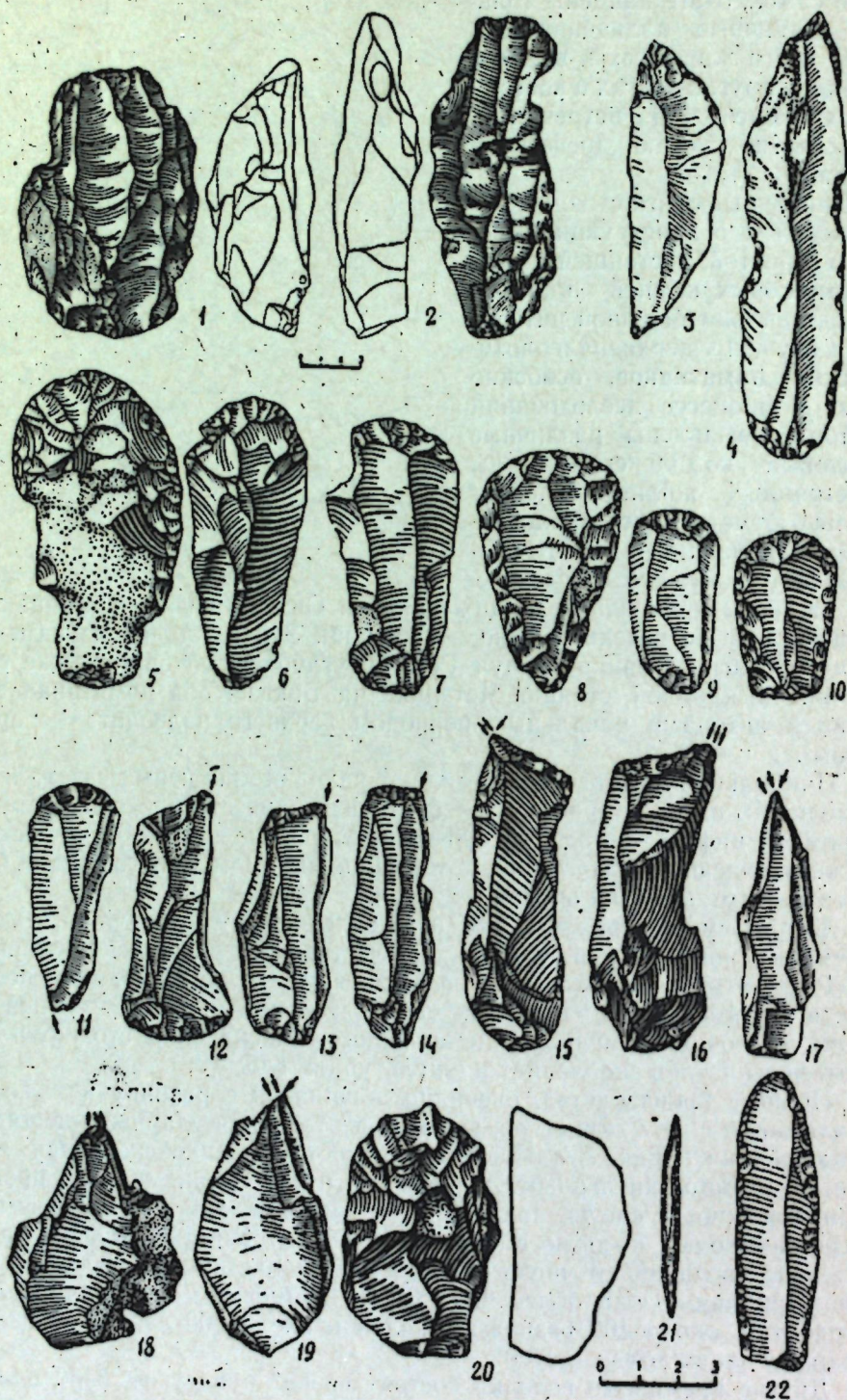

Рис. 4. Кремневые изделия палеолитической стоянки Чутулушты — I.
1—2. Нуклеусы. 3—4. Острия. 5—10. Скрепки. 11—12. Скрепки-резцы. 13—19.
Резцы. 20. Скребок высокой формы. 21. Игольчатое острие. 22. Ножевидная
пластина.

длина нуклеусов 12—15 см, встречаются они больших и меньших размеров. Одна, две, иногда даже три или четыре ударные площадки, горизонтальных или скошенных, расположены на противоположных концах и на щадки в процессе работы одним или серией поперечных сколов. Ударные поверхности или только ее края.

Рабочая часть нуклеуса со следами скалывания пластин в виде чуть углубленных широких и узких фасеток, как правило, расположена на одной стороне; противоположная сторона носит следы нескольких сколов, сделанных в разных направлениях, чаще всего от края к центру, иногда просто сохраняет поверхность кремневого желвака с меловой коркой.

Пластины узкие и широкие длиной от 2—3 до 10—12 см с одной или несколькими гранями на спинке, у некоторых — со следами ретуши.

Наиболее многочисленную группу орудий составляют резцы, среди которых отметим боковые, срединные и многофасеточные — нуклевидные. Размеры резцов средние и большие.

Боковые и срединные резцы изготовлены на пластинах. Притупляющая ретушь имеется только на спинке у боковых резцов, иногда она образует вогнутость. Рабочий угол прямой и часто подправляется длинными резцовыми сколами, доходящими до нижней части пластинки. У нескольких боковых резцов на противоположном конце имеется скребковое лезвие.

Срединные резцы оформлялись такими же сколами, но более короткими и узкими.

Интересна серия многофасеточных резцов, сделанных на нуклевидных предметах и крупных отщепах. Они имеют по нескольку сколов на рабочей поверхности, неоднократно подправляющихся в процессе использования.

Всю эту серию предметов, безусловно, нельзя с уверенностью относить к типу резцов; они довольно близко напоминают вторичные ядрища, выделенные и описанные А. Н. Рогачевым на поселении Александровка¹. Как ядрища рассматривает аналогичную группу изделий из нижнего слоя Сюрень I и Е. А. Векилова².

Скрепки изготовлены на пластинах и пластинчатых отщепах. Их рабочий край полукруглый, иногда немного скошен вправо или влево. Ретушь довольно крутая и только у отдельных предметов более плоская. У нескольких скребков ретушью оформлен не только рабочий край, но и обе боковые грани.

Реже встречаются скребки высокой формы, сделанные на нуклевидных отщепах.

Острия изготовлены на пластинах и относятся к типу симметричных. Ретушью оформлен только край орудия и не заходит далеко на боковые грани. Одно острие двойное.

В коллекцию кремневых орудий входят несколько рубящих, сделанных из небольших кусков кремня, крупных скребковидных предметов и одно игольчатое острие.

В раскопе I найдено несколько мелких пластинок из кварцита, почти все без ретуши.

¹ А. Н. Рогачев. Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону. МИА, 45. М.-Л., 1955, стр. 37, 41.

² Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. Палеолит и неолит СССР, III. МИА, 59. М.-Л., 1957, стр. 262.

За два года раскопок на палеолитической стоянке Чутулешты-I было собрано более 1600 костей животных, являющихся кухонными отбросами ее обитателей. На исследованной площади не было найдено ни одного, хотя бы самого небольшого, скопления. Мало также обожженных костей, хотя некоторые обломки были найдены в очагах и кострищах или рядом с ними. А. И. Давид определил следующие виды животных:

Название вида	Число костей	%	Число особей	%
Лошадь (<i>Equus caballus</i> L.)	198	55,7	10	33
Зубр (<i>Bison priscus</i> Boj.)	104	29,2	9	30
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i> L.)	26	7,3	4	13
Олень (<i>Cervus</i> sp.)	16	4,5	3	10
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i> L.)	4	1,1	1	3
Северный олень (<i>Rangifer tarandus</i> L.)	3	0,8	1	3
Волк (<i>Canis lupus</i> L.)	3	0,8	1	3
Слепыш, близкий к подольскому (<i>Spalax cf. podolicus</i>)	1	0,3	1	3
	355		30	

В культурном слое найдены ископаемые раковины *Serapea Vindobonensis* Pfeiffer, *Jaminia tridens* (Müller), *Familia Enidae*, *Helicogena rotundata* Linné и *Helicogena Pomacella Parreyss*.

Определившая раковины В. Н. Верина считает самым ранним первый вид, часто встречающийся в отложениях древних террас долины р. Реут.

По углям, собранным из очагов и кострищ стоянки, Г. Н. Лисицина установила, что в палеолитическое время в этом районе росли:

1. Сосна *Pinus* sp. 30
2. Ель *Picea* sp. 4
3. Дуб 1
4. Лиственная порода, тополь (?) 2

Описываемая стоянка представляет собой довольно большое поселение верхнепалеолитических людей в долине р. Реут. В этом месте люди жили длительное время, о чем свидетельствует большая мощность культурного слоя, огромное количество культурных остатков, особенно большие скопления кремней, а также наличие очагов, сложенных из камней, которые могли быть сооружены только в местах длительного пребывания человека. Кроме того, о длительности пребывания людей в этом месте говорит и площадь стоянки, приблизительно 115×20 м. Как показали исследования, восточная часть стоянки, возможно, большая, разрушена водами реки Реут.

Такой характер поселений является обычным для памятников первой половины и среднего этапа верхнего палеолита. Типичный для этого времени и характер кремневого материала — крупные размеры нуклеусов, пластин и орудий, большие скопления отбросов производства. Наконец,

формы орудий и фауна (лошадь — 55%, зубр — 30%) не позволяют нам выносить датировку Чутулешты-I за рамки первой половины верхнего палеолита.

Если сравнить стоянку Чутулешты-I с другими памятниками, то опять-таки по комплексу кремневых предметов, мощности культурного слоя, наличию очагов и размерам поселений наиболее близкими являются стоянки нижних верхнепалеолитических слоев Молодово V, Вороновица I, Бабин I на Днестре¹, Пушкарин I на Десне², а на территории Румынии ряд памятников с каменными очагами, описанными выше.

На территории Венгрии и Чехословакии, по-видимому, близко по типу стоят такие стоянки, как Захи, Парасса³, Зена I⁴. Что касается пещерных памятников этих стран, также, как и Румынии и Болгарии, имеющих некоторые общие черты и сходства в кремневом материале, то, нам кажется, они не могут быть приведены в качестве аналогий, так как они имеют другую основу развития — селетскую, и этим в значительной мере отличаются от нашей.

¹ А. П. Черныш. Поздний палеолит Среднего Приднестровья..., стр. 16—86.
² П. И. Борисковский. Палеолит Украины, МИА, 40. М.-Л., 1953, стр. 176—233.
³ Gabor Miklos. Die Fundstelle des Aurignacien in Sahy-Parassa an der ungarisch-tschechoslowakischen Grenze. Slovenska Archeologia, V—2. Bratislava, 1957, pp. 253—270.
⁴ Ladislav Banasz. Mladopaleolitické objekty v Seni I. Slovenska Archeologia, VI—1, Bratislava, 1958, pp. 5—20.

Г. Ф. ЧЕБОТАРЕНКО

ЖИЛИЩА ГОРОДИЩА КАЛФА VIII—IX вв.

На поселении Калфа Тираспольского района в процессе раскопок 1961—1962 гг. были открыты шесть жилищ земляночного типа. Они расположены в узкой части мыса поселения близ земляных валов (в северной части пять жилищ (рис. 1) и одно в южной части поселения)¹.

Жилище 1/6—1961 г. Расположено в северо-западном углу городища, в 18—20 м от северного края мыса, размер 340×360 см и ориентировано длинной стороной с севера на юг (рис. 1). Жилище углублено в землю на 150 см от современной поверхности. Южная стенка отчасти разрушена хозяйственной ямой более позднего периода.

В северо-восточном углу располагалась печь-каменка, сложенная из среднего размера известняковых камней на сухой кладке размером 140×150 см. Толщина стен 40 см. Изнутри стены печи как бы облицованы большими плоскими камнями, поставленными на ребро. Верхняя часть печи разрушена. Под печи расположен на уровне пола жилища. Он был покрыт пятисантиметровым слоем древесной золы. В зольном слое найдены два фрагмента раннеславянской посуды, сделанной от руки. Размер топочной камеры 60×110 см. Устье печи открыто к востоку.

В заполнении жилища найдены керамика, кости животных, чешуя и мелкие кости рыб, два обломка жерновов (от нижнего и верхнего), глиняное биусеченноконическое пряслице, три готовых и одна заготовка костяных проколов, обломок железного браслета, обломок точильного бруска, астрагал с небольшим сквозным отверстием и обломок лезвия железного ножа.

Жилище 2/8—1961 г. Расположено в 9 м к востоку от жилища 1/6—1961 г., размер 400×360 см ориентировано длинной стороной с востока на запад. Жилище углублено в землю на 140 см от современной поверхности. Пол жилища земляной. В северо-западном углу жилища расположена печь-каменка наполовину разрушенная, трапециевидной формы в плане, с неравными сторонами. Северная стена печи имеет 175 см, южная — 145 см и западная — 165 см в длину. Устье печи открыто к востоку. Стены сложены из известняковых камней на сухой кладке, толщиной до 40 см (см. рис. 1).

Под печи от долгого употребления несколько углублен по середине (до 7 см) размером 90×100 см, покрыт четырехсантиметровым слоем золы.

В заполнении печи найдена нижняя часть раннеславянского горшка и костяная проковка. В заполнении жилища — керамика, кости живот-

¹ Г. Ф. Чеботаренко. Городище Калфа. Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964, стр. 197—198.

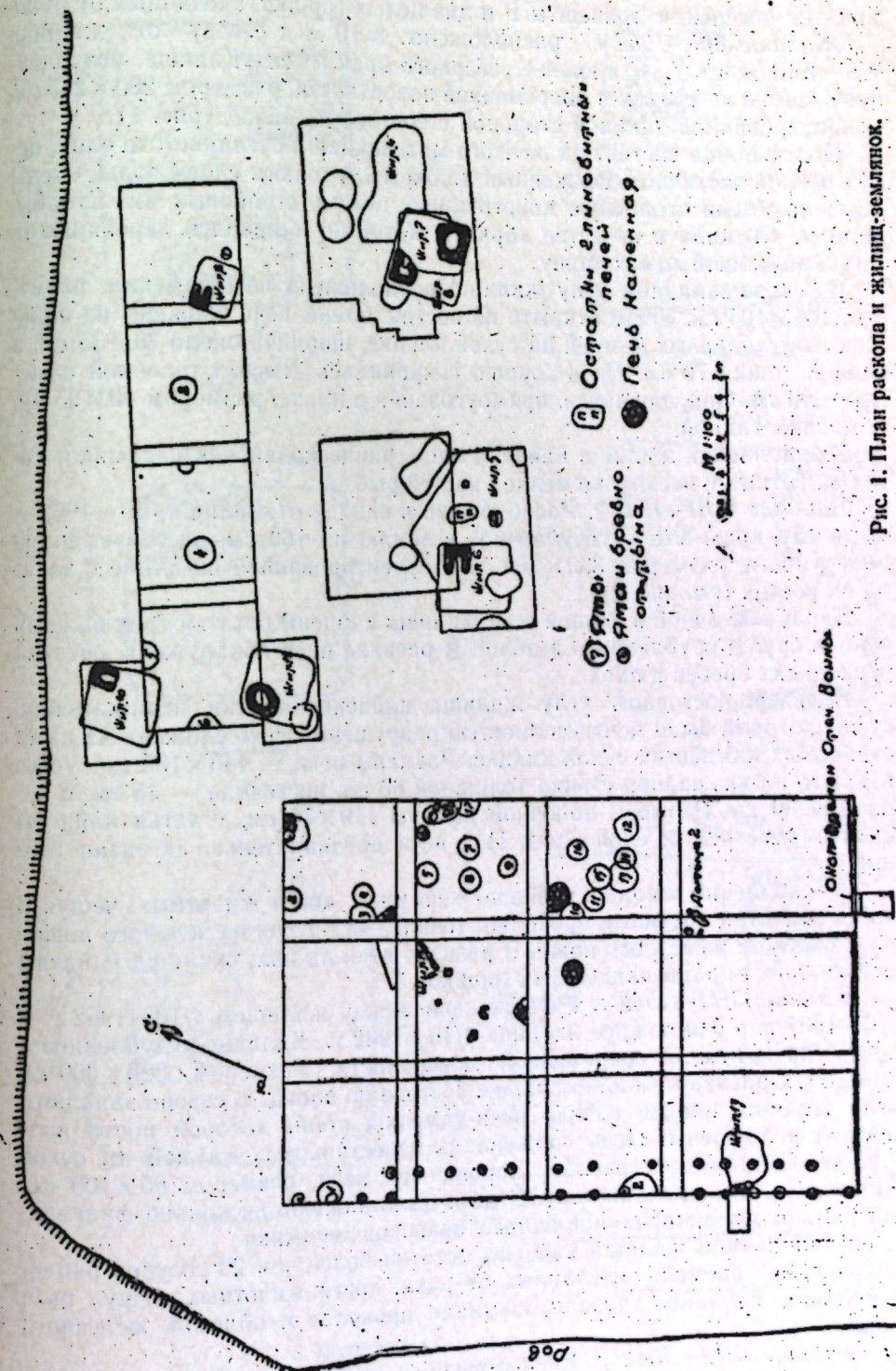

Рис. 1. План раскопа и жилищ-землянок.

ных, чешуя рыб, три костяные проколки, обломки глиняных сковородок, целая усеченноконической формы миска, аналогичная сосуду, найденному на поселении Бранешты I и два целых горшка, сделанных от руки. Жилище 3/9—1962 г. расположено в 10 м к северу от жилища 2/8—1961 г. и в 7—8 м южнее северного края мыса. Жилище, углубленное в землю на 140 см от современной поверхности, размером 280×255 см, ориентированной длинной стороной с востока на запад (рис. 1).

Пол жилища состоит из желтого материкового суглинистого слоя, перед печкой частично обожженный и покрытый тонким слоем золы. Стены жилища имели столбовую конструкцию, восемь столбовых ям. Столбы, видимо, служили в качестве каркаса, который обшивался деревянными плахами длиной во всю стену.

В северо-западном углу жилища расположена печь-каменка, размером 135×105 см. Устье открыто на восток. Стены печи сложены из больших известняковых камней на сухой кладке, шириной около 30—35 см, а задней стенки 70 см. Печь хорошо сохранилась. Высота топочной камеры — 50 см. Она сводчатая, прямоугольная в плане, размером 40×65 см, обмазана глиной.

В заполнении жилища найдена лишь раннеславянская керамика, кости животных и несколько мелких костей рыб.

Жилище 4/10—1962 г. Расположено к западу от жилища 3/9—1962 г. на самом краю мыса, углубленное в землю на 160 см, от современной поверхности, размером 330×350 см и ориентированной по длине с запада на восток (см. рис. 2).

Вдоль восточной и южной стен жилища найдены остатки трех нижних венцов сруба, срубленного в обло¹. В развале печи обнаружены остатки нескольких бревен и плах.

В северо-восточном углу жилища найдены остатки печи-каменки, стены которой были почти полностью разрушены. Печь сложена из известняковых камней на сухой кладке. Размеры печи — 145×185 см. Устье открыто на юг, задняя стенка толщиной 60 см, восточная — 45 см и западная 30 см. Размеры топочной камеры 110×70 см, у устья найдены пятисантиметровый слой золы. Под печи предварительно обмазан глиной.

В заполнении жилища найдены керамика, кости животных, чешуя и кости рыб, три костяные проколки, точильный брусок из зеленого шифера и обломок железного ножа. В развале печи на полу жилища найдены остатки шести раннеславянских горшков.

Жилище 5/11—1962 г. Расположено между жилищем 4/10—1962 г. и 1/6—1961 г. в 5 м, южнее жилища 4/10—1962 г. Жилище, углубленное в землю на 120 см от современной поверхности, размером 320×360 см (рис. 1). Ориентировано по длине с востока на запад. В северо-западном углу жилища найден развал печи-каменки, стены которой почти полностью разрушены. Печь сложена из известняковых камней на сухой кладке. Сохранился довольно хорошо под печи, размером 95×100 см. Устье печи открыто к востоку. В печи было найдено несколько фрагментов сильно ошлакированной раннеславянской керамики.

В заполнении жилища найдены остатки более чем 20 сосудов раннеславянского времени, сделанных от руки, кости животных, чешуя рыб, небольшое глиняное грузило, костяная проколка и обломок железного ножа.

Жилище 6/12—1962 г. Расположено в юго-восточной части мыса, в

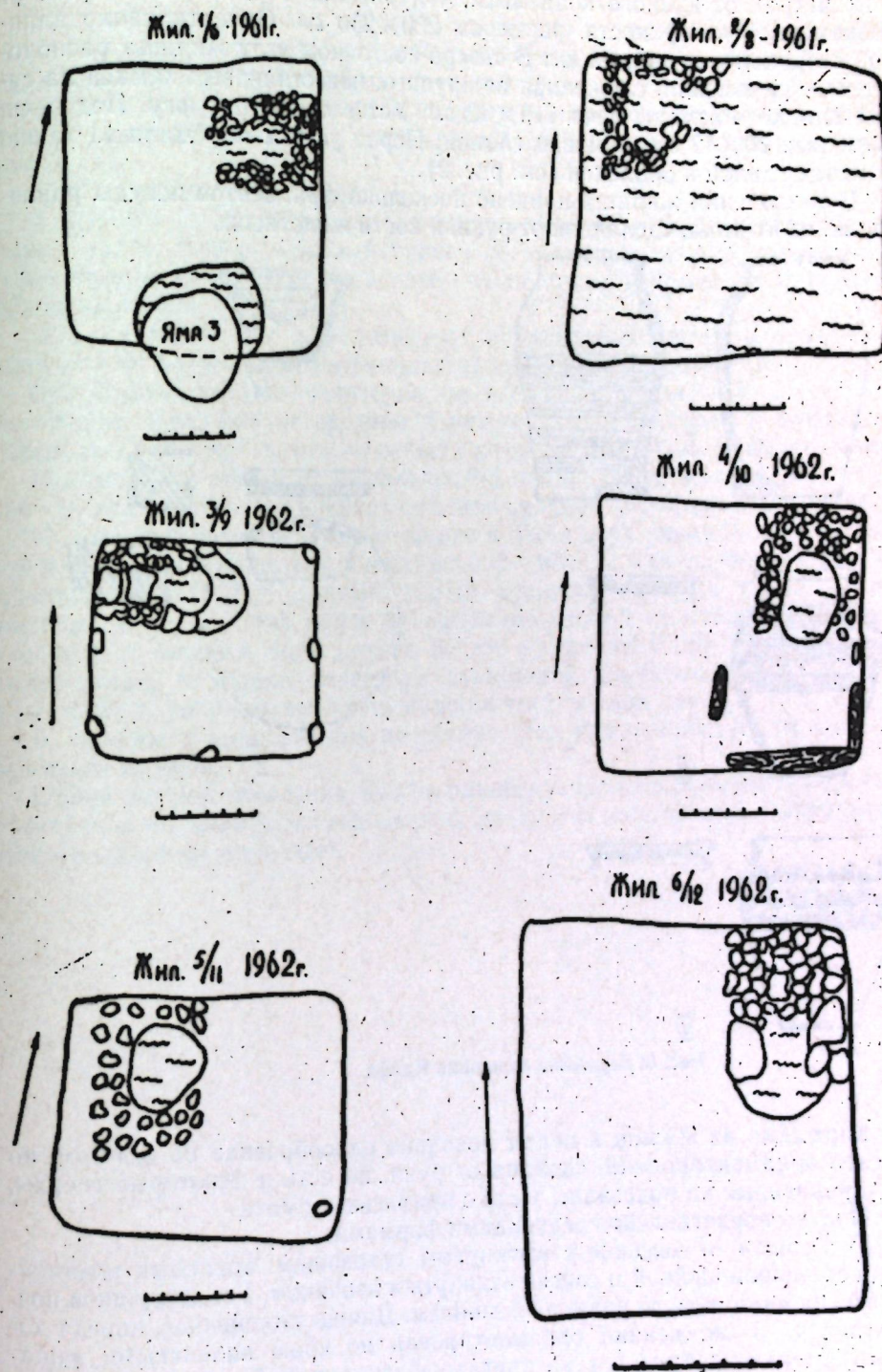

Рис. 2. План жилищ-землянок.

¹ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. М., 1960, стр. 376, табл. 69 а/5.

5-ти метрах от южного края мыса, углубленное в землю на 145 см, от современной поверхности, размером 230×250 см. Ориентировано длинной стороной с севера на юг. В северо-восточном углу жилища расположена печь-каменка, сложенная из крупных известняковых камней на сухой кладке. Размеры печи 110×90 см. Устье открыто к югу. Под печи, размером 30×42 см, обмазан глиной. Перед устьем пол жилища также обмазан глиной и обожжен (см. рис. 2).

В заполнении жилища найдено несколько фрагментов посуды раннеславянского типа, сделанной от руки, и кости животных.

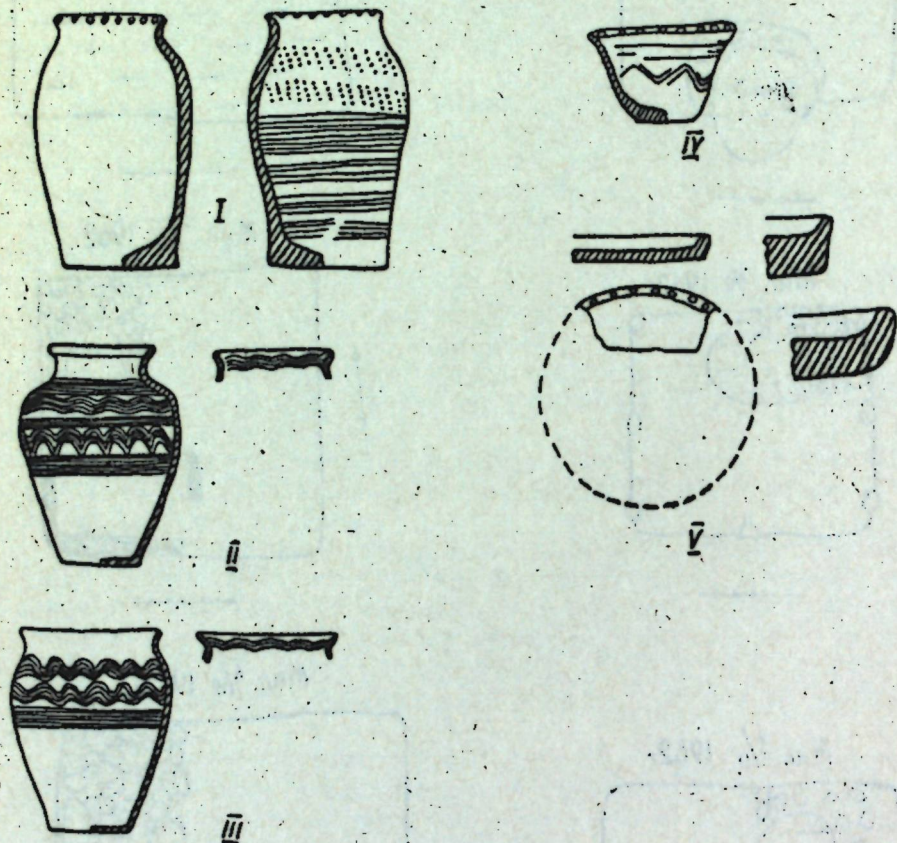

Рис. 3. Керамика городища Калфа.

Керамика из жилищ в целом довольно однообразная по формам, но богато орнаментирована, сделана от руки, но есть и некоторые сосуды, подправленные на подставке, тесто с примесью шамота.

Посуда представлена следующими формами.

1) Горшки — высокие с вытянутым туловищем, покатыми плечиками, небольшой шейкой и слегка откинутым венчиком. Устье горшков почти всегда одинакового размера с дном. Днище утолщенное, иногда достигает 4—5 см; венчик орнаментирован по краю пальцевыми защипами. Стенки толстые, слегка приглаженные рукой. Края днища оплывшие. Обжиг костровой. Размеры разные (рис. 3, I).

2) Горшки — с широким туловом, довольно хорошо выраженными плечиками, с отогнутыми наружу венчиками. Устье несколько уже дна сосуда. В отличие от первой формы, стенки сосудов покрыты полосами волнистых и прямых линий, нанесенными гребенчатым инструментом. Эти сосуды частично подправлены на поставке.

Обжиг — костровой. Размеры разные (рис. 3, II).

3) Горшки-корчаги для хранения припасов, с расширенным кверху туловищем, широким устьем и узким дном. Венчик слегка отогнут наружу, иногда орнаментированный по внутренней части полосой волнистых линий. Поверхность сосудов покрыта орнаментом из полос волнистых и прямых линий, нанесенных гребенчатым инструментом (рис. 3, III).

Обжиг костровой или печной.

4) Горшки — миски в виде усеченноконического сосуда. Днище массивное, узкое. Венчик орнаментирован по краю пальцевыми защипами. Стены сосуда орнаментированы грубо, волнистыми и прямыми линиями. Обжиг костровой (рис. 3, IV).

5) Сковороды — круглые лепешки с приподнятыми краями, орнаментированы по краю пальцевыми защипами. Обжиг костровой (рис. 3, V). Подобная керамика характерна для всех памятников VIII—IX вв. на территории Молдавии, в среднем и нижнем Поднестровье¹, в Румынии в среднем Попрутье²; ее можно отнести к группе типа Луки-Райковецкой³.

Несмотря на общий раннеславянский облик керамики, все же в какой-то мере чувствуется южнославянское влияние, особенно в орнаменте. По конструктивным деталям жилища были двух типов — со столбовой конструкцией стен, как у жилища 3/9—1962 г., или со срубом, как в жилище 4/10—1962 г. Видимо, самым распространенным типом было жилище со срубом, так как в большинстве жилищ не найдены столбовые ямы от каркаса стен. Дерево же на поселении Калфа сохраняется очень плохо, и только благодаря счастливой случайности в жилище 4/10—1962 г. сохранилась часть нижних трех венцов сруба.

В качестве материала для постройки стен использовались бревна, в основном из дуба.

Облик жилищ поселения Калфа раннеславянского времени ничем не отличается от жилищ, исследованных на других поселениях в Прутско-Днестровском междуречье⁴.

¹ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. М., 1960, гл. III, прил. к гл. III.
² D. G. Teodoru și Em. Zaharia. Sondajele de la Spinoasa și Erbireni. Materiale... VIII. Buc., 1962, pag. 35—46.
³ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 10—13, табл. I.
⁴ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э., гл. III и прил. к гл. III.

Л. Л. ПОЛЕВОЙ

ГОНЧАРНАЯ МАСТЕРСКАЯ XIV в. ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ КОСТЕШТЫ

Гончарные мастерские XIV в. из Костешты — сооружения различные как по своим особенностям, так и по размерам. В основном это жилое помещение (землянка или наземное строение), использовавшееся также как мастерская. Такими являются мастерские I—IV. Они в общем конструктивно не отличаются от жилищ, раскопанных на поселении.

Мастерская V (рис. 1—2) представляла собой большую землянку, сооруженную на западном склоне лощины гончарного района. Яма землянки прямоугольной формы: в длину около 8 м, в ширину более 7 м (площадь около 60 м²). Остатки сгоревшего и рухнувшего на пол деревянного перекрытия землянки образовали слой обуглившихся бревен и кусков древесного угля мощностью в 40—50 см.

Вдоль стен и внутри помещения сохранились остатки бревен-столбов, поддерживавших перекрытие землянки. Кроме столбов в Ю—З и Ю—В углах, все утоплены в вертикальные вырезы — углубления в стенках землянки (ширина углубления 30—40 см). В их основания положены неправильной формы различной величины плоские известняковые камни.

В северной стене четыре стояка, все утопленные в вырезе стенки. Однако в С—З углу стояка не оказалось. Зато из трех стояков западной стены землянки самый северный поставлен очень близко к С—З углу, всего в 70 см от него. В Ю—З углу столб был. Вдоль южной стенки, как и северной, четыре стояка.

Стояки перекрытия землянки сохранились на разную высоту от 0,6 до 1,5 м. В основании всех стояков, поддерживавших кровлю землянки, лежали плоские известняковые камни, обычно неправильной формы и разных размеров. Камни оказались на местах стояков, не только вдоль стен, но и в средней части помещения. Известняковые камни, отмечающие места этих столбов, были врыты на всю их толщину в пол землянки.

Таким образом, кровлю землянки поддерживали 12 деревянных столбов вдоль ее стен и шесть изнутри.

Стенки землянки были обшиты деревом. У западной стенки сохранились два обгоревших стоячка обшивки, оставшихся в вертикальном положении, крепивших доски; первый из них находился непосредственно у выреза стенки, где располагался стояк перекрытия, другой — севернее его в 20 см (диаметры стоячков обшивки до 10 см, они сохранились в нижней части на высоту до 30—40 см). У остальных стенок землянки были обнаружены беспорядочно рухнувшие остатки обгоревших стоячков и досок обшивки.

Вдоль северной стенки землянки, с поворотом от С—З угла вдоль западной стенки, прослежено невысокое, оставленное в материке возвышение-площадка (длина части площади вдоль северной стенки землянки

от С—З угла = 4,5 м, ширина 0,8—1,0 м; длина вдоль западной стенки от С—З угла = 1,7 м, ширина 0,35 м.) Восточный конец площади заканчивается у третьего (с запада) стояка северной стенки землянки, южный ее конец у второго (с севера) стояка западной стенки; этот стояк изнутри был промазан слоем глины.

В западной половине пол землянки представлял собой утрамбованную материковую глину (эта половина землянки вырыта в материке), восточная же половина пола, оказавшаяся в слое чернозема, была промазана слоем глины (до 5 см), сохранившимся лишь местами.

При расчистке пола в средней части землянки были обнаружены три расположенные рядом тондира.

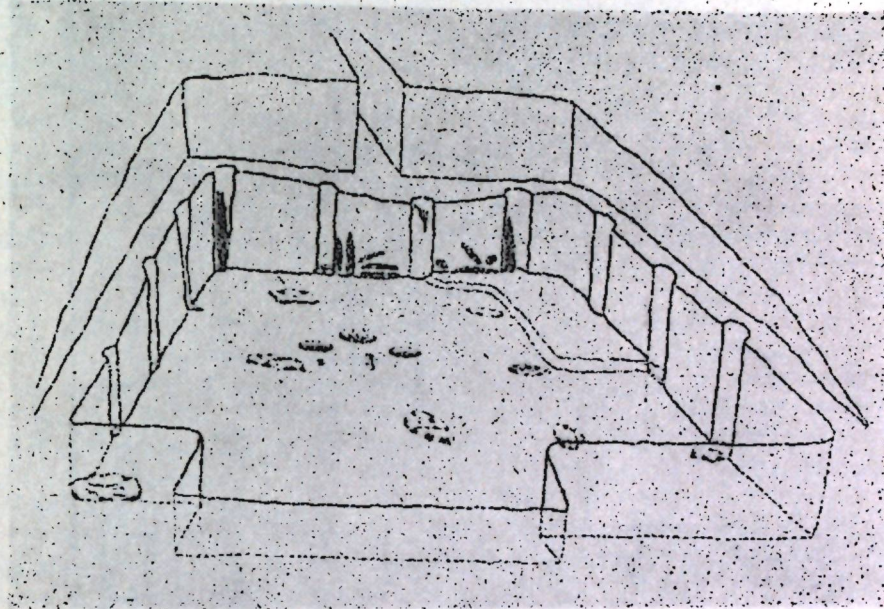

Рис. 2. Костешты. Мастерская V (XIV в.)
Аксонометрия раскопа.

Первый тондир опущен в грунт ниже пола землянки; с восточной стороны у него была вытяжная труба. Этот тондир сооружен на месте прежнего обветшавшего, остатки которого залегали ниже, под подом нового тондира. Общая глубина нового тондира около 1 м; средний диаметр устья тондира 50 см; диаметр пода 88 см. Снаружи тондир был обложен бракованной городской посудой середины XIV в. (миски, кувшины и др.)¹.

Второй тондир располагался в непосредственной близости от первого. Он также был углублен в грунт ниже землянки. С восточной стороны у него тоже была труба. Как и предыдущий, он сделан на месте прежнего обветшавшего тондира, от которого сохранились части стенок и под, лежащий ниже пода нового тондира. Общая глубина нового тондира около 0,50 м, диаметр устья 0,40 м, диаметр пода до 0,60 м.

Третий тондир сохранился лишь в той части, которая была врыта в пол землянки, ее высота около 20 см. Диаметр — 52 см. К днищу тондир

¹ Такой же способ увеличения термозащиты тондира с помощью отходов гончарного производства применен в тондире из гончарной мастерской XII—XIV вв. в Тбилиси. О. М. Джапаридзе. Отчет о раскопках в «Ганджискари». Материалы по археологии Грузии и Кавказа, I. Тбилиси, 1955, табл. II, 6.

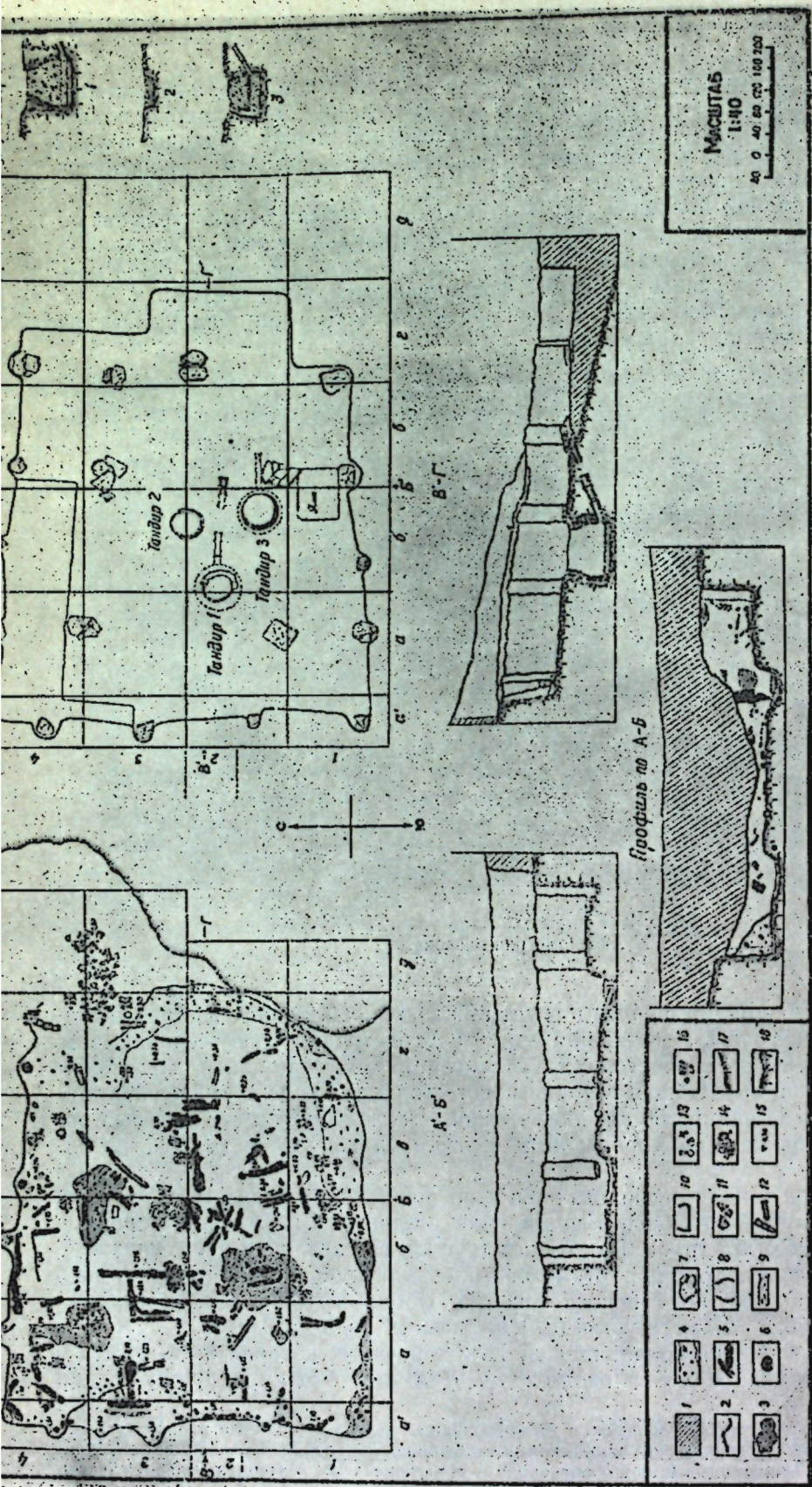

Рис. 1. Костешты. Мастерская V (XIV в.)

План донной части до расчистки. План донной части после расчистки. Разрезы. Профиль.

1. Черносем.

2. Глиняная обмазка стенок землянки.

3. Обожженная глина.

4. Слой глины.

5. Обуглившаяся бревна.

6. Торцы обуглившихся бревен.

7. Известковые камни.

8. Стенки тондиров.

9. Слой зола.

10. Днище тондира.

11. Обломки кирпичей.

12. Гончарные трубы.

13. Керамические изделия (целые).

14. Керамика (фрагменты).

15. Материк.

16. Отметки глубин.

17. Край оврага.

18. Индивидуальные находки.

несколько сужается (диаметр до 45 см) и заканчивается подом — слоем обожженной глины. Стенки тондира сложены из глины, толщиной до 5—10 см. Судя по диаметру, общая высота его была до 60 см. Углубленный в пол землянки примерно на 20 см, он возвышался над ним на 40—50 см.

У южной стенки землянки углубление прямоугольной формы; длина углубления 1 м, ширина — 80 см, глубина 20 см. Углубление было заполнено обломками гончарного брака (расплавившиеся кувшины, поливные горшки и др.).

По всей поверхности донной части землянки найдено большое число фрагментов керамических изделий, а также целые или почти целые предметы: фрагменты неполивных и ангобированных полуфабрикатов мисок, чашек и малых кувшинов городской группы керамики. Кроме того, почти целые светильники (каганцы, подсвечники), их фрагменты. В северо-западной части количество керамических фрагментов меньше (светильники, посуда).

Значительны находки керамики в юго-западной части землянки. Здесь также были найдены светильники различных видов, целые и во фрагментах, а также фрагменты посуды.

У южной стенки землянки найдены три лежащих рядом светильника-каганца, покрытых зеленой поливой, рядом были обнаружены подсвечники и один подсвечник-канделябр (на 6 свечей). Под ними находилось описанное выше прямоугольное углубление в дне землянки; оно оказалось заполненным гончарным браком и боем: фрагментами посуды (горшки, бракованный городской кувшин и др.), обломки тондира.

Большое скопление фрагментов керамики наблюдалось в юго-восточной части землянки («красно-желтые» кувшины сельского типа и др.).

При раскопках на дне землянки были найдены медные джучидские монеты середины XIV в.; одна полурасплавившаяся серебряная джучидская монета обнаружена на поде тондира.

Описанная землянка была сооружена как специальное производственное помещение (рис. 3). Это видно по планировке и конструкции помещения, а также по комплексу находок.

Вырытая в склоне лощины, яма землянки была обшита тесом и перекрыта четырехскатной деревянной крышей на восемнадцати стояках с земляной подсыпкой. Наличие парных стояков в средней части помещения исключает двускатную конструкцию перекрытия. Тондиры располагаются в средней части землянки, между четырьмя столбами перекрытия. Поддувала тондиров выведены в сторону входа в землянку, на восток. Конструкция четырехскатного перекрытия, по-видимому, предусматривала необходимость сооружения отверстия в средней части над жерлами тондиров, для выхода дыма. Такое отверстие могло быть сооружено как раз между четырьмя внутренними стояками. Отверстия в крыше над тондирами обычны в Закавказье, в Армении¹.

Центральное расположение тондиров оставляло свободными пространства вдоль стен, которые, по-видимому, использовались для установки различных гончарных орудий и производства других операций. Рядом с тондирами у южной стенки землянки располагалась яма, куда складывали гончарный брак.

В юго-восточном углу, под слоем обрушившейся и сгоревшей кровли землянки, непосредственно на дне, лежал довольно мощный слой чистой глины, вероятно, подготовленной для формовки изделий.

¹ С. Д. Лисицян. Из материалов по изучению жилищ Армении. Тифлис, 1927, стр. 138; его же. Очерки этнографии дореволюционной Армении. Кавказский Этнографический сборник, М., 1955, стр. 205—206.

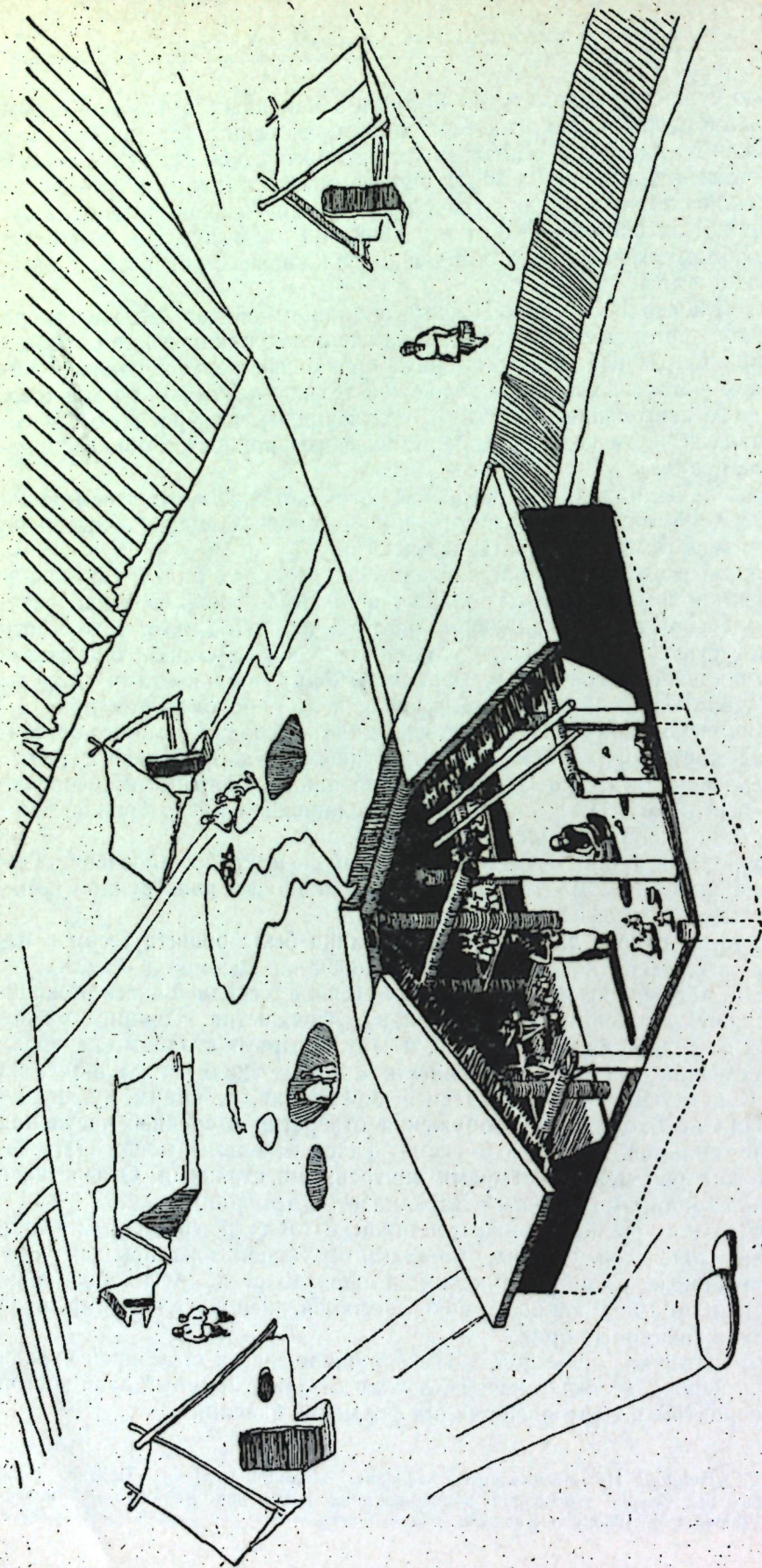

Рис. 3. Костешты. Мастерская V (XIV в.). Реконструкция.

В донной части землянки найдены ангобированные полуфабрикаты мисок и чашек; среди них несколько почти идентичных ангобированных чашек с разметкой будущего орнамента граффити по ангобу тонкими едва заметными линиями.

Показателен набор находок в землянке. Сосредоточенная главным образом вокруг тондиров, керамика состояла в основном из столовой посуды (кувшины, миски, чашки и др.) и различных родов осветительных приборов (каганцы, подсвечники, глиняные канделябры). Причем последние наряду с существованием целых экземпляров представляли собой часть массового фрагментированного керамического материала. Только целых светильников, почти целых и тех, что удалось реставрировать, было около 15 штук. Большое количество их осталось во фрагментах.

Кроме керамики, составляющей основную часть находок в донной части землянки, здесь найдены костяной наконечник стрелы, железное кресало.

Наконец немаловажный аргумент — почти полное отсутствие в находках донной части пищевых остатков (обломков костей животных): их найдено на всей площади огромной землянки всего ... 15 штук¹.

Керамика из гончарной мастерской V поселения Костешты
(количество фрагментов)

	Сельского типа	Городская		Всего
		неполивная	поливная	
Мастерская V	797	776	227	1800

Помимо учтенного в таблице массового керамического материала, в мастерской V найдено значительное число целых или почти полного профиля изделий, полуфабрикатов и брака, меняющих соотношение керамики сельского типа и городской в пользу последней. Однако вывести точное соотношение в данном случае нет возможности.

Значительный процент керамики сельского типа объясняется также тем, что эти фрагменты принадлежат двум-трем сохранившимся в обиходе крупным сосудам, вероятно употреблявшимся гончарами для воды.

Появление в XIV в. особых помещений для гончарных мастерских — результат развития гончарства, способного обеспечить массовое производство продукции на рынок, удовлетворить растущий спрос. Этот процесс влечет за собой увеличение объема производства и появление крупных производственных сооружений, как например, костештская мастерская V. Такие мастерские известны в золотоордынских городах XIII—XIV вв.² и в городах Закавказья³.

Появление специальных производственных помещений и крупных мастерских в XIV в. следует связывать в конечном итоге с развитием городского гончарства, с дальнейшим углублением разделения труда между городом, и деревней, ремеслом и сельским хозяйством. Костештские гончары переходят на массовое производство товара для рынка, спрос которого непрерывно растет вместе с ростом города и его округи.

¹ Кстати, они могли попасть в землянку при ее более поздних перекопках.

² Б. Д. Греков, А. Я. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, М.-Л., 1950, стр. 146.

³ В. В. Джапаридзе. Художественная глазурованная керамика Грузии XI—XIII вв. СА, XVII, стр. 208.

Г. Д. СМОРНОВ, И. А. РАФАЛОВИЧ

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ НАХОДКИ VI—VII вв. ИЗ СТАРОГО ОРХЕЯ

В бассейне Нижнего Реута (правый приток р. Днестр) за последние годы было открыто свыше 20 славянских памятников, датирующихся VI—IX вв. На некоторых поселениях (Бранешты-1¹, Скок², Бранешты — 13³) проводились стационарные исследования.

В 1956 г. были открыты следы раннеславянского поселения VI—VII вв. и на территории, занятой известным молдавским средневековым городищем Старый Орхей.

Раннеславянское селище располагалось на первой надпойменной террасе р. Реут в северо-восточной части мыса, образованного излучиной реки.

Сколько-нибудь полных представлений о размерах селища составить не удалось, так как слой VI—VII вв. был почти полностью разрушен позднейшими перекопами и многолетней эрозией. Это привело к тому, что лепная раннеславянская керамика и отдельные вещевые находки VI—VII вв. часто попадали в заполнение средневековых землянок XIV—XVI вв.⁴

Выделение этих материалов в силу их специфического характера не составляет особых трудностей.

В нижней части культурного слоя раскопок, расположенных восточнее каменной цитадели, были найдены фрагменты лепной толстостенной керамики с примесью крупнотолченного шамота в тесте. Все фрагменты принадлежат горшкам с коротким прямым или слегка отогнутым венчиком и пологими плечиками. Орнамент на стенках сосудов, как правило, отсутствует, лишь в единичных случаях отмечена орнаментация края венчика косой насечкой.

Керамика, аналогичная этой, встречена на раннеславянских поселениях как в Молдавии (Хуча⁵, Старые Малаешты⁶), так и за ее пределами⁷; она обычно датируется VI—VIII вв.

¹ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья. МИА, № 89, стр. 290.

² Э. А. Рикман. Раскопки селищ первых веков нашей эры в Поднестровье. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 75—83.

³ Раскопки И. А. Рафаловича и И. Г. Хынку.

⁴ Г. Д. Смирнов. Археологические исследования Старого Орхея. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 24—39.

⁵ И. А. Рафалович. Раннеславянское селище Хуча VI—VII вв. в Молдавии. Тезисы докладов симпозиума по археологии и этнографии юго-запада СССР. Кишинев, 1964, стр. 36—37.

⁶ П. П. Бырня, В. А. Дергачев. Раннеславянское селище «Старые Малаешты». Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964, стр. 223.

⁷ Д. Т. Березовец. Последний уличей на Тесьмине, МИА, № 108, стр. 153—154.

Точную хронологию славянских памятников 2-й половины первого тысячелетия в Молдавии установить трудно, т. к. имеется лишь небольшое количество датированных находок. Поэтому особый интерес представляют вещевые находки из раннеславянского слоя Старого Орхея, перекликающиеся с относительно хорошо датированными предметами из так называемых «антских кладов» и заслуживающие подробного описания.

При расчистке заполнения большой землянки — мастерской по производству печных изразцов XV в., на глубине 80 см, были найдены бронзовая подвеска-амулет, изображающая человека, и крупный железный трехлопастный наконечник стрелы т. н. «аварского типа».

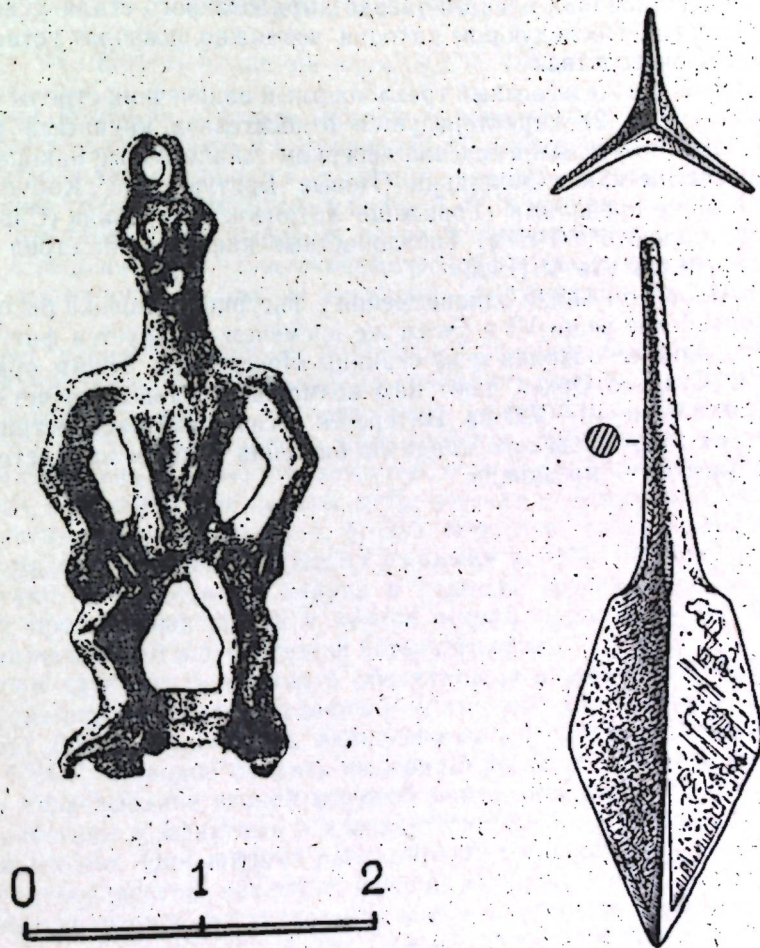

Рис. 1. Амулет-подвеска.

Рис. 2. Наконечник стрелы.

Подвеска-амулет (рис. 1) представляет собой отлитую в односторонней литейной форме фигурку человека с широко расставленными и согнутыми в коленях ногами и руками, согнутыми в локтях и опирающимися в бедра. Рельефно переданы глаза, нос и уши. Значительно слабее выражены усы и острокопечная борода. В верхней части головы имеется сквозное ушко, отлитое одновременно с подвеской.

Общее решение фигурки довольно условно, хотя можно различить кафтан с глубоким вырезом на груди и мягкие сапоги с острыми носками. Общая высота подвески — 3,5 см. Небольшие размеры подвески

и сквозное ушко говорят о том, что она использовалась в качестве амулета и носилась на шее.

Близкие к орхейской фигурке изображения человека известны по серебряным накладкам из Мартыновского клада на Руси¹ и находке вещей близ станции Преградной². Общая композиция фигурок (положение рук, ноги, тип кафтана, обуви и т. д.) совпадает почти до мелочей.

Наиболее существенным отличием, придающим орхейской фигурке уникальный характер, является само предназначение ее в качестве носимого амулета-оберега. Менее существенны различия в материале — бронза, технике изготовления и размерах.

Находка из Старого Орхья подтверждает предположение Т. М. Мишаевой о существовании единого твердо выработанного стиля художественного ремесла³. Последующие находки, возможно, позволят установить и центр их производства.

Найденный там же железный трехлопастный наконечник стрелы «аварского» типа (рис. 2) характеризуется относительно крупными размерами (11,5 см) и круглым в сечении черенком. Аналогичные наконечники широко известны как в Молдавии (Новые Братушаны-3⁴, Кобуска-Веке⁵), так и за ее пределами (Городище Хотомель⁶, могильник (Сэрата — Монтеору⁷, Морешть⁸ (РНР). Трехлопастные наконечники стрел датируются в пределах VI—VIII вв.

В Мартыновском кладе одновременно с фигуркой человека были найдены византийские вещи VI в. Этим же временем датируется фигурка и сопровождавшие ее находки и из станицы Преградной. Таким образом, находки из Старого Орхья дают нам возможность довольно четко датировать поселение VI—VII вв. Интересен и сам факт распространения находок типа Мартыновского клада от бассейна Кубани на Востоке до бассейна Днестра — на Западе.

РЕЦЕНЗИИ

И. Э. ЛЕВИТ

А. А. ЯЗЬКОВА. РУМЫНИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1934—1939 гг.

М., Изд-во Академии наук СССР, 1963, 295 стр.

Истории Румынии накануне второй мировой войны посвящено немало работ в нашей стране и в Румынской Народной республике¹. В них, как правило, рассматриваются отдельные вопросы истории Румынии в предвоенные годы. Рецензируемая книга А. А. Язьковой — первое обобщающее научное исследование, в котором предпринята попытка дать цельное освещение социально-экономической и политической «истории румынского народа в один из наиболее критических ее периодов» (стр. 15).

Особую ценность работе А. А. Язьковой придает то обстоятельство, что она написана на основе большого круга источников. В научный оборот вводятся ряд новых, малоизвестных материалов, почерпнутых в архивах СССР и РНР, широко привлекаются публикации партийных и дипломатических документов, коммунистическая и буржуазная пресса, румынские парламентские дебаты, историческая и мемуарная литература, статистические сборники и т. д. Это позволило автору дать всесторонний анализ общественной жизни Румынии в 1934—1939 гг.

Известно, что проблемы кануна и периода второй мировой войны стояли и продолжают стоять в центре острой идеологической борьбы между марксистской и буржуазной историографией.

В своем стремлении отрицать объективную закономерность победы народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, помешать дальнейшему укреплению дружбы этих стран с СССР, а заодно обелить империализм, снять с него ответственность за развязывание второй мировой войны, идеологи буржуазии нередко прибегают к «фактам» и «доказательствам» из истории Румынии предвоенных лет. Они широко рекламируют тезис о «процветании» румынского государства накануне второй мировой войны, изображают внутреннее положение в стране «как мир и классовую гармонию», а ее тогдашних правителей как истинных «демократов» и «сторонников мира». Когда же речь заходит о превращении Румынии в сателлита гитлеровской Германии и об ее участии в антисоветской войне, буржуазные авторы стараются всю ответственность за это возложить на СССР, стыдливо умалчивая о капитулянтской политике западных держав и о предательской, антинародной деятельности румынских правящих кругов. Особенно потрудились в этом направлении Г. Гафенко, Петреску-Комнен, А. Крецяну, Г. Шербанеску и другие румынские эмигранты, находя-

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1943, стр. 82 (рис. 10).

² Т. М. Мишаева. Находки близ станицы Преградной на р. Уруле. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 133 (рис. 52).

³ Там же стр. 136.

⁴ Хранится в Археологическом музее АН МССР.

⁵ З. А. Рикман и Г. П. Сергеев. Селище первых веков нашей эры у села Кобуска-Веке. Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964, стр. 232 (рис. 3).

⁶ Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 91 (рис. 34).

⁷ I. Nestor și Eug. Zaharia. Săpăturile de la Sărata—Monteoru din 1955, MCA, 1957, IV, p. 190 (рис. 1).

⁸ K. Horedt. Contribuții la istoria Transilvaniei sec. IV—XIII. Buc., 1958.

¹ К ним относятся статьи самого автора рецензируемой монографии, работы советских исследователей А. А. Шевякова, И. Н. Чемпалова, З. Липпая, труды историков РНР П. КонстантINESКУ-ЯШЬ, М. Роллера, Е. Кампус, В. Варга, Ж. Бендитер, М. Русеску, Г. Иоинца, Т. Жеоржеску, Н. Лупу и др.

щиеся на службе у западных империалистов. А. А. Язькова убедительно опрокидывает и разоблачает фальсификаторские тезисы современных буржуазных авторов, раскрывает их тенденциозность и антисоветскую направленность. В этом отношении рецензируемый труд — одно из проявлений того наступления на идеологическом фронте, которое успешно ведет советская историческая наука.

На богатом фактическом материале в книге рассматриваются три тесно взаимосвязанные комплекса вопросов: социально-экономическое положение Румынии в 30-е годы, внутренняя и внешняя политика правящих классов, развитие революционного движения.

Указав на некоторые особенности социально-экономического развития Румынии в эпоху капитализма и империализма (экономическая отсталость, преобладание крестьянства, реакционный союз буржуазии и помещиков, зависимость от иностранного капитала и др. — см. стр. 22—25), автор останавливается на последствиях экономического кризиса 1929—1933 гг. Детально прослеживается процесс концентрации и централизации капитала в исследуемом периоде, развитие государственно-монополистических тенденций, составлявшее «внутреннюю основу движения правящей буржуазно-помещичьей верхушки в сторону реакции, милитаризма и фашизма» (стр. 63), дальнейшее обнищание трудящихся, обострение политических и социальных противоречий в стране, рост революционного движения.

Основное внимание при характеристике румынской экономики А. А. Язькова уделяет развитию промышленности, значительно меньше — развитию сельского хозяйства и положению крестьянства, что является недостатком книги, учитывая, что буржуазно-помещичья Румыния была страной аграрной, с преимущественно крестьянским населением. На основе анализа статистических данных автор показывает, что рост промышленного производства в послекризисный период происходил «отнюдь не на здоровой экономической основе» (стр. 57), а главным образом за счет отраслей, связанных с военным производством, в то время как традиционные отрасли румынской промышленности работали лишь на 35—50% своих производственных мощностей (стр. 60). А. А. Язькова правильно заключает, что «несмотря на рост производства в отдельных отраслях тяжелой промышленности, страна по-прежнему оставалась отсталой», при этом «размещение новых промышленных предприятий, сосредоточенных главным образом в западных областях, оставалось неравномерным...» (стр. 61).

Характеристика промышленного развития Румынии в 1934—1939 гг. была бы более полной, если бы вышеприведенные положения автор иллюстрировал данными не только по Румынии в целом, но и по отдельным тогдашним ее районам. В отношении оккупированной Бессарабии эта «неравномерность» была не простой случайностью, а следствием определенной, колониальной политики, проводимой правителями королевской Румынии. Сущность этой политики, направленной на удушение промышленности Бессарабии, особенно ярко проявилась в середине 30-х гг. Затрагивая вопрос о положении оккупированной Бессарабии и указывая, что «экономическое развитие этой области... затормозилось» (стр. 101), автор пишет: «Прекратилось железнодорожное строительство, отменена навигация по Днестру и Пруту. Все это тяжело сказалось на заработках трудящихся» (стр. 101—102). Нам думается, что не эти примеры лучше всего характеризуют состояние экономики Бессарабии. Упадок народного хозяйства края куда рельефнее отражают данные о количестве закрытых в эти годы промышленных предприятий, о дальнейшем ухудшении отраслевой структуры промышленности, снижении общей стоим-

мости основного капитала, уменьшении количества рабочих, занятых в крупной промышленности, не говоря уже о деградации сельского хозяйства.

На этой же, 102-й странице, автор касается и революционного движения в крае. «Тяжелое экономическое положение трудящихся Бессарабии, политическое бесправие толкали их на борьбу против социального и национального гнета... Полицейские сообщения с мест свидетельствуют о том, что выступления бессарабских трудящихся имели политический характер». К сожалению, эти высказывания, как и некоторые другие, очень редкие упоминания о революционном движении в Бессарабии (стр. 153, 199 и др.), не раскрывают основного содержания и главных целей борьбы трудящихся края: восстановление Советской власти и воссоединение с Советской Родиной.

Обстоятельно охарактеризована в книге расстановка классовых и политических сил в стране, рассмотрены позиции всех основных партий в вопросах внутренней и внешней политики. Можно оспаривать отдельные положения автора (например, его оценки итогов выборов в парламент 20 декабря 1937 г., см. стр. 202), однако в целом эти разделы являются, на наш взгляд, наиболее удачными в рецензируемой работе.

В результате анализа политической деятельности и программ основных буржуазных партий, А. А. Язькова приходит к правильному выводу о том, что буржуазные политические партии, именовавшие себя «либеральными» и «демократическими», в середине 30-х гг. «все более эволюционизировали вправо» (стр. 87). Не только между партиями, но и внутри каждой буржуазной партии, как это показано в книге, шла острая борьба между различными политическими группами (стр. 89—91, 218 и др.). К сожалению, не всегда в должной мере раскрыты экономические и внешнеполитические причины разногласий между, например, «старыми» и «молодыми» либералами, между национал-царанистами и отколовшимися от них радикал-царанистами; не ясно, что представляли из себя так называемые «свободомыслящие», «хашисты» и т. д.

Большое значение имеет вывод автора о том, что фашистское движение в Румынии не имело «массовой опоры» (стр. 861). А. А. Язькова показала, что не только трудящиеся, но и значительные слои румынской буржуазии, не связанные с монополистическим капиталом, были противниками политики фашизации страны, проводимой реакционной верхушкой во главе с королем. И тем не менее усилия компартии, направленные на создание единого антифашистского фронта, как известно, не увенчались успехом. Раскрывая причины этого, А. А. Язькова приводит в частности, много ярких примеров предательской деятельности правого руководства СДПР и реформистских профсоюзов, а также лидеров так называемых «исторических партий».

В итоге, нам известно, в феврале 1938 г. в Румынии была установлена королевская или, как указывает автор, «монархо-фашистская диктатура». В отличие от румынских буржуазных историков и политиков, которые пытались изобразить королевскую диктатуру в качестве некоей надклассовой силы, якобы стоявшей на страже интересов различных общественных слоев и классов, А. А. Язькова приходит к выводу, что последняя была «диктатурой наиболее реакционных, наиболее агрессивных, наиболее империалистических, наиболее шовинистических слоев румынской монополистической буржуазии» (стр. 229).

К сожалению, из книги не совсем ясно, в чем с классовой и социальной точек зрения состояла разница между «монархо-фашистской» и «военно-фашистской диктатурой», которая установилась в Румынии в начале сентября 1940 г., или же речь шла о простой смене лиц в прави-

тельстве руководстве и об окончательном изменении внешнеполитической ориентации (стр. 273).

А. А. Язькова показала тесную взаимосвязь между реакционной внутренней и внешней политикой королевской Румынии накануне второй мировой войны. По мере наступления реакции против демократических сил внутри страны все более антисоветский характер принимает внешняя политика королевской Румынии. Вместе с тем, как правильно указывает автор, «усиление реакционного политического курса правящих кругов Румынии, обусловленное происшедшими в стране экономическими и политическими сдвигами, толкавшими румынскую монополистическую буржуазию на путь реакции, определялось также и расстановкой сил на международной арене — ростом агрессивных устремлений фашистских государств во главе с гитлеровской Германией, готовивших новую мировую войну, и политикой так называемого «невмешательства» западных держав, отдавших Гитлеру восток и юго-восток Европы» (стр. 178—179).

В начале 30-х гг., в связи с ростом могущества и международного авторитета СССР, с одной стороны, и усилением реваншистской Германии — с другой, среди некоторых наиболее дальновидных деятелей румынской буржуазии (Н. Титулеску), как и других стран, появляется стремление к нормализации отношений с СССР. Это, в частности, нашло отражение в установлении дипломатических отношений между СССР и Румынией летом 1934 года. Но поворот Румынии к сближению с Советским Союзом был кратковременным. «В обстановке усиления на международной арене роли гитлеровской Германии, — пишет А. А. Язькова, — проводившийся им (т. е. Титулеску, — С. Л.) внешнеполитический курс был обречен на провал» (стр. 139). В середине 30-х гг. провал политики Титулеску был определен, нам думается, не только и не столько усилением гитлеровской Германии, сколько страхом румынской буржуазии перед своим народом, который с симпатией и любовью относился к первому в мире государству рабочих и крестьян, ее ненавистью к коммунизму, а также внешнеполитической линией англо-французского блока, во многом определявшего еще в тот период политику Румынии.

Долгое время, как правильно отмечает А. А. Язькова, королевская Румыния вела политику лавирования. К сожалению, в работе слабо раскрывается борьба тенденций в среде румынских правящих кругов по вопросам внешней политики. В освещении автора поворот Румынии в сторону гитлеровской Германии, ее экономическое и политическое порабощение последней проходил как-то сразу и без особых трудностей.

А. А. Язькова отмечает, что практические шаги к сближению с Германией были предприняты Румынией еще в 1933 году (стр. 72). Уже в тот период, как явствует из высказываний автора на стр. 71, было немало сторонников «немедленного и безоговорочного (так ли? — С. Л.) сближения с Германией и другими фашистскими государствами». Несколько дальше (стр. 94), где речь идет о событиях конца 1934 — начале 1935 гг., говорится уже не о части, а вообще о «буржуазно-помещичьей верхушке, ориентировавшейся на сближение с государствами фашистского блока». Притом с самого начала румынские правители вроде сознательно идут на ущемление своих экономических интересов, отдавая взамен малодифференцированной продукции, к тому же на условиях клиринга, «ценнейшее стратегическое сырье», за которое Румыния «смогла бы получить на других рынках валюту» (стр. 131).

Более того, в угоду Германии Румыния не только отказывается от своих союзников, но даже выступает как один из инициаторов ломки Версальской системы. «Совершенно очевидно, — сказано в книге, —

что уже в этот период (речь идет о 1936 г. — С. Л.) румынские правящие круги стали на путь поддержки готовящейся гитлеровской агрессии против Чехословакии» (стр. 135).

И чем дальше, тем легче и без борьбы происходило подчинение Румынии гитлеровской Германии. В действительности все было гораздо сложнее. Автор, на наш взгляд, несколько упрощенно освещает события тех лет, не раскрывает все тонкости империалистической игры, которую вели западные державы вокруг Румынии. Несколько скомкано описание внешнеполитической истории Румынии последних месяцев перед второй мировой войной, когда особенно ярко проявилась антинациональная, предательская политика реакционной верхушки королевской Румынии.

Единственная партия, которая последовательно отстаивала интересы трудящихся, вела борьбу против наступления фашизма, против антинациональной политики верхов королевской Румынии, против подчинения страны германскому империализму, за мир и дружбу с СССР, была Коммунистическая партия Румынии.

С интересом читаются страницы книги, посвященные революционному движению в Румынии в исследуемые годы. Приведенные в работе многочисленные примеры этой борьбы с полным основанием позволяют автору заявить, что: «История Коммунистической партии Румынии в 30-е годы — это история самоотверженной героической борьбы коммунистов-антифашистов, борьбы, которая, сопровождаясь многочисленными жертвами, велась не только на свободе, но продолжалась и в застенках и тюрьмах «великой Румынии» (стр. 173).

В заключении хочется отметить, что имеющиеся недостатки в рецензируемой работе не могут изменить в целом ее положительной оценки. Советская историография обогатилась нужной и полезной книгой по истории Румынии накануне второй мировой войны, книгой, представляющей интерес не только для специалистов-историков, но и для широкого круга читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Статьи

- А. И. Бабий.* Во что обошлась молдавскому народу православная церковь. 3
И. Г. Хынку. К вопросу о терминологии и основных принципах анализа глиняной бытовой посуды. 16
П. П. Бырня. Зарождение села, как основного типа поселения Молдавии в эпоху феодализма. 33

Сообщения

- В. С. Зеленчук, Л. Д. Лоскутова.* Современный народный костюм Рыбницкого района Молдавской ССР. 44
Н. А. Кетрару. Палеолитическая стоянка Чутулешты-1 (по раскопкам 1961—1962 гг.). 53
Г. Ф. Чеботаренко. Жилища городища Калфа VIII—IX вв. 62
Л. Л. Полевой. Гончарная мастерская XIV в. из поселения Костешты. 68
Г. Д. Смирнов, И. А. Рафалович. Раннеславянские находки VI—VII вв. из Старого Орхья. 74

Рецензии

- И. Э. Левит, А. А. Язькова.* Румыния накануне второй мировой войны (1934—1939 гг.). 77